

Министерство общего и профессионального образования РФ

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

С.П.КУШНАРЕНКО, Я.В.КУШНАРЕНКО

АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Утверждено Редакционно-издательским советом
университета в качестве учебного пособия

НОВОСИБИРСК
2003

Рецензент В.Я. Буторин, канд. филос. наук

Работа подготовлена на кафедре философии
для бакалавров, магистрантов и аспирантов всех факультетов

С.П.Кушнарченко, Я.В.Кушнарченко

Античная философия: Учеб. пособие. - Новосибирск: Изд-во
НГТУ, 2003. - 58 с.

© Новосибирский государственный
технический университет. 2003 г.

Введение

Как выразился К.Вайцеккер, знаменитый физик XX столетия, если для понимания современных физических идей необходимо обратиться к философам Нового времени, а те в качестве истока своих идей отсылают к древним грекам, то греки не отсылали ни к кому. Они творили сами, создавая всё, что есть в философии, наново и впервые. И проявившийся в их произведениях накал изначального удивления миру был настолько велик, что первоначальный задел определил собой последующее развитие европейской философии на века и тысячелетия. Философ М.К.Мамардашвили так сказал об этом: "... факт состоит в том, что куда бы мы ни шли в нашем мышлении, употребляя понятия, скажем, свободы воли или детерминизма, моральной ответственности и доблести, мы наталкиваемся, знаем мы об этом или не знаем, на всё то, что изобретено греками. И что каким-то образом сохранило свою жизнь. Греки это изобретали, проходя по параболической траектории своей авантюры, в которой они проиграли. Но, очевидно, напряжение самой авантюры было таково, что даже тех немногих осколков, которые остались, нам хватает на то, чтобы питаться во многих поколениях этими вот всего-навсего осколками" [22, с.308].

Многое из того, с чем мы встречаемся в античной философии, оценивается нами с современных позиций. Не следует, однако, забывать о том, что именно в античной философии были проложены пути для мысли, лишь немногими из которых воспользовались потомки. Считая греческую философию пройденным этапом, мы закрываем для себя возможность узреть ту изначальную полноту смысла, которая содержалась во введённых древнегреческими философами понятиях и идеях. Как сказал М.Хайдеггер, "пока мы не возвратимся к тому, что уже было помыслено, мы не обратимся к тому, что всё ещё следует мыслить".

В отличие от учёного философ при каждом новом шаге в процессе развития философии вынужден возвращаться к исходным началам, к представлению о том, что вообще есть философия как таковая, и переосмыслять это понятие. Учёный же как принял исходные положения, так в дальнейшем и не подвергает их сомнению. О чём же свидетельствует иное, чем у учёного, положение философа? Философия, по М.К.Мамардашвили, вообще не занимается проблемами, она занимается обсуждением бытия. Обсуждать же можно только то, что испытываешь, с чем соприкасаешься. Поэтому философия - это не только теоретическое конструирование понятий, но и осуществление, переживание тех состояний, которые этими понятиями обозначаются. В связи с этим абсурдно говорить о прогрессе в философии. Философский акт или есть, или его нет. А если философский акт состоялся, он содержит в себе всё возможное для новой мысли, выполняя тем самым функцию самовоспроизводства. Рождение новой мысли будет означать в этом случае приращение исходной мыслительной структуры. Возврат здесь оборачивается движением вперёд. Р.Декарт, в связи с этим выражался так: "Воспроизводство субстанции требует усилий не меньше, чем её порождение". Греки, выступая творцами мыслительных структур, не только создали условия для последующего развития философии, но и осуществили самостоятельно и впервые самое трудное - подвиг бытийствования как подвиг выпрямляющего движения в склоняющем потоке времени.

Происхождение философии в Древней Греции

Возникновение философии в эллинистической культуре означало не просто появление какой-то новой дисциплины. Само появление деятельности, ориентированной на универсально-всеобщие аспекты мироздания, свидетельствовало о сдвиге в сторону качественно нового типа культуры. Именно в античности были заложены предпосылки европейской культуры, получившей впоследствии выражение в науке и технике.

До появления философии в Древней Греции господствовало так называемое мифологическое мировоззрение. С точки зрения теории культуры мы имеем в этом случае дело с традиционной парадигмой воспроизводства общества. Согласно этой парадигме, передача знаний, умений и навыков осуществлялась наследственным путём - от отца к сыну или ближайшим родственникам. Это так называемый профессионально-именной тип кодирования общественно значимой информации.

С этих позиций античная культура представила нам совершенно иной тип социального кодирования - так называемый "европейский". Он отличается, по М.К.Петрову, следующими характерными чертами:

"С самого начала, с возникновением европейского кодирования в европейском очаге культуры постоянно присутствовали нестандартные социально значимые ситуации той или иной формы, в которых чистая репродукция, программа, бесконечный повтор либо вообще невозможны, либо опасны...

Второй особенностью нашего социального кодирования является постоянное присутствие в европейском социокоде группы универсальных навыков, которые в традиционном обществе были профессиональными и транслировались через семейный контакт поколений. Это прежде всего относится к "умению жить сообща", к группе гражданских навыков...

Третьей особенностью европейского кодирования, которая, собственно, и позволяет называть европейский социокод "универсально-понятийным", является постоянное тяготение нашего социального кодирования к универсалиям любой природы, и прежде всего к универсалиям общения, к категориальным потенциалам языков" [27, с.149].

При этом появление европейской культуры не связано с внутренним развитием культуры традиционного типа, - поскольку радикально различны исходные основания этих культур, и первоначально выражается в её упадке. Раскопки в бассейне Эгейского моря дают картину "деградации социальности: под развалинами Трои, например, обнаруживаются ещё более пышные развалины. Социальность вырождается как с точки зрения её объёма по числу связанных в единство людей, так и с точки зрения мастерства. Потолка или "дна" этот процесс вырождения достигает в гомеровскую эпоху, которая вряд ли оставила что-либо существенное для археологических изысканий. Не без фантазии описанные Гомером "дворцы" базилеев лишь жалкие лачуги по сравнению с кносским дворцом, например"[27, с.159].

Деградация социальности выражается, в частности, и в потере письменности вместе с профессией писца. Кроме того, появляются люди, совмещающие сразу несколько профессий. Например, Одиссей у Гомера (IX в. до н.э. - и плотник, и зем-

леделец, и царь, и воин, и т.д. С позиций традиционной социальности, такая многосторонность - несомненный абсурд, поскольку невозможно быть мастером сразу во многих профессиях, - а значит, мы имеем резкое снижение стандартов профессионализма.

Традиционная Греция в догомеровскую эпоху была цивилизацией преимущественно морского островного типа. В этом смысле эгейская социальность вся сплошь "погранична". В подобной ситуации сложнее осуществить профессиональное распределение на государственном уровне - поскольку, например, нельзя расположить воинов на границах государства, а отсюда - невозможность функционирования боеспособной профессиональной централизованной армии. Единство раздробленных и разбросанных по островам очагов жизнедеятельности обеспечивал многовёсельный корабль - пентеконтера, часто оказывавшийся в руках пиратов. Феномен пиратства - это продукт традиционной культуры, волей судьбы родившийся на островах. С точки зрения социальной пираты - люди, не нашедшие места в традиционной системе, - например, младшие сыновья (тайны профессии передавались лишь старшим сыновьям). Именно пираты сыграли роковую роль в подрыве основ традиционной культуры. Сам характер организации жизни на корабле устанавливал примат слова над телом. В последующем это вылилось в теоретическую дисциплину - философию, связанную с лингвистическими структурами: "Уже и для корабельной палубы характерно присутствие основных черт теоретизирования: единство апперцепции, целостность, отсутствие противоречия, полнота" [11,с.39].

С другой стороны, постоянная угроза пиратов вынуждает побережье быть в постоянной готовности, поэтому все начинают обучаться воинскому делу (например, во всех законодательствах военная подготовка будущих граждан - обязательная оставляющая). В Афинах, в частности, она состояла в том, что в течение трёх лет по достижении социальной зрелости будущие "свободные граждане" были обязаны отдать воинской службе.

Географические особенности вызвали к жизни особый тип государственности - полис. Греческий полис - это город-государство, который подчинён собственным законам и самостоятельно заботится о сохранности своих границ. Однако дефицит земледельческого продукта не позволял содержать профессиональную армию в рамках полиса. Причина дефицита земледельческого продукта - не только в отсутствии больших посевных площадей, но и в достаточно частом изъятии этого продукта пиратами. "Минос, - пишет Фукидид, - самый древний из тех, о ком мы знаем по слухам, приобрёл флот и на самом большом пространстве владел эллинским морем и Кикладскими островами... он искоренил также, поскольку это было в его силах, пиратство на море, предпочитая, чтобы их доходы получал он сам" (История, I,4). [27, с.163].

На этапе упадка традиционной культуры и зарождения нового типа социальности большое значение приобретает общественный закон полиса - "номос". Согласно этому закону, все жители государства выступали уже во всеобщей роли, - роли "граждан", и при этом нивелировались различия между людьми в имущественном или каком-либо ином положении. "Всеобщие профессии", однако, требовали иного способа передачи соответствующих умений, чем в традиционной культуре, т.е. непосредственного показа по принципу "делай как я". Как указывает

М.К.Петров, "в любом обществе, в котором гражданский навык "жизни сообща" находится во всеобщем распределении, навык этот не может ни превышать вместимость среднего индивида - адреса всеобщего распределения, ни транслироваться через семейный контакт поколений на правах наследственно-профессионального, а потому в любом таком обществе, если оно обнаруживает историческое развитие, всегда будет наблюдаться феномен теоретической деятельности, направленный на сжатие текста этого всеобщего-распределённого навыка либо средствами исторического, либо теоретического сжатия" [27,с.178].

Сжатие текста передаваемых знаний и навыков по историческому принципу предполагает опору на авторитетность сведений, которая определяется частотой упоминаний. Но в этом случае мы опираемся на мнение большинства, которое может выступить тормозом, сдерживающим развитие в силу отсева новых и оригинальных идей. Теоретическое сжатие - осуществляется путём установления иерархических связей структурной общности передаваемых знаний и навыков (например, от общего - к частному). Однако здесь многое зависит от выбора исходного основания, устанавливающего принцип единства для данной структуры.

В Древней Греции рассматриваемого периода главенствующее место среди используемых универсалий постепенно начинают занимать лингвистические структуры. В немалой степени это было связано с революцией в области языка, а именно, с переходом к алфавитному типу письма. Введя отдельные обозначения для гласных, греческая письменность тем самым сделала доступным для явного выделения грамматические структуры греческого языка. Кроме того, сам древнегреческий язык имеет флективный характер. В аналитических языках (например, английском) изменение порядка слов либо невозможно (это квалифицируется как нарушение грамматики), либо ведёт к радикальному изменению смысла. Совершенно иное положение во флективных языках. Здесь налицо вариативность выбора, которая быстро растёт с увеличением длины предложения.

"Отсутствие вариантов в аналитическом языке позволяет отстранить от результата говорящего (или пишущего), снять проблему выбора, реализации одной из множества возможностей: на базе аналитической структуры эти проблемы не возникают, они суть псевдопроблемы и, видимо, не могут быть осознаны, формализованы. Когда же речь идёт о флективной структуре, говорящий как источник порядка, снятого выбора, неустраим: порядок здесь появляется не через касание-контакт слов, а вносится извне через осознанный или неосознанный выбор говорящего, что и делает его виновником именно этого, а не какого-то другого порядка"[27,с.194]. В этом случае, однако, возникает сакраментальная проблема: на каком основании следует делать выбор, в пользу какого именно порядка?

Древнегреческая философия, которая появилась как ответ на необходимость для общества решения этой проблемы, дала два основных варианта её решения. "Либо выбор снимает и однозначность восстанавливает смертный человек, и тогда мир "истины" релятивен - у каждого своё представление, производное от его личных интересов и устремлений. Либо же выбор снимает и приводит мир к однозначности некое принадлежащее к вечности и миру истины разумное существо, тогда мир истины один для всех..." [27,с.195]. Первый вариант был выбран софистами, второй - Сократом, Платоном и Аристотелем. Демокрит не видит самой про-

блемы, и потому у него есть и необходимость, и случайность. Во всяком случае, мы в обоих случаях имеем отсылку к свободному решению человека или к надчеловеческой личности, выступающей конечной основой природной необходимости.

Таким образом, в древнегреческой философии изначально заложена принципиальная взаимосвязь свободного состояния человека и возможность постижения объективной истины, т.е. внутреннее единство нравственности и познания. Именно эту установку выражает у Пушкина Моцарт, говоря, что "гений и злодейство - две вещи несовместные". При этом общей основой свободных поступков человека оказывается способность человека к "предельным" усилиям. Именно в такого рода состояниях все способности человека сплавляются воедино и у него возникает качественно новая способность - сознание. Необходимость самостоятельного решения радикально в этом смысле отличается от опоры на авторитет традиции или мнение большинства, и предполагает иные критерии, имеющие универсальный характер: вначале - Логос (Гераклит), или идею (Платон), и т.п., затем, в Новое время - эксперимент, математику, и т.п.

Итак, появление философии было лишь одним из аспектов общекультурных изменений в рассматриваемый период: "у *философов* это - переход от мифа к логосу, от мифологического мировоззрения к категориальному; у *правоведов* - переход обычая в закон-номос, в равенство свободных граждан перед законом; у *искусствоведов* - раскрепощение знака, переход установленных ритуалом правил изображения в текучую форму канона, запрещающего повтор-плагиат; у *психологов* - смена установки неприятия нового на высокую оценку личного вклада, появление экономической характеристики - все значимые события в нашей культуре носят имена их творцов; у социологов - переход ряда специализированных социальных ролей (правитель, воин) в навыки всеобщего распределения (гражданин, воин, грамотный). У лингвистов это потеря слоговой письменности (письмо А и В) и восстановление-упрощение письменности на алфавитной основе, появление нормативных грамматик" [11,с.41].

Рассматриваемые А.Н.Чанышевым концепции происхождения философии - гносеогенная, мифогенная, гносеомифогенная, и т.п., заведомо ограничены, поскольку учитывают лишь один или несколько аспектов сложнейшего общекультурного процесса.

В частности, согласно гносеогенной концепции, философия происходит из накопленных к тому времени эмпирических знаний, как потребность разрешения противоречия между этими знаниями и мифом. Но дело в том, что миф как таковой даёт цельное представление о мире, и потому неопровергаем "внешним" образом. Первоначальные практические знания часто уступали по действенности знаниям, вплетённым в мифологические представления.

Согласно мифогенной концепции, философия происходит из мифа как реализация потребности осмысления мифологических образов. Но сам по себе миф, выступающий словесным выражением ритуалов, обеспечивал воспроизводство данной культуры, и потому потребность в переосмыслении соответствующего представления изнутри самого мифа не могла возникнуть.

Гносеомифогенная концепция учитывает и роль знания, и роль мифа. Но дело в том, что философское знание радикально отлично от знания, имеющего чисто

практическую направленность. Не зря Аристотель сказал о философии, что она есть "самая бесполезная из наук, но лучше её нет ни одной". Философ стремится не к знанию самому по себе, а к мудрости.

В то же время очевидно, что философия использовала все достижения предшествующей культуры. В частности, как совершенно справедливо указывает А.Ф.Лосев, философия началась с концепций, структурно подобных мифологическим, продолжала развиваться путём критики мифа, и закончилась его переосмыслением. Можно, в частности, указать, что философия взяла из мифа следующее:

1. Представление о первичном, бесформенном состоянии Вселенной (например, в виде водной бездны).
2. Идея эволюции в сторону большей упорядоченности и лучшего устройства мира, завершающейся воцарением светлого начала.
3. Мотив периодической гибели и нового рождения Вселенной (который имеется в некоторых мифологиях).

Согласно М.К.Мамардашвили, миф - это не просто система представлений, это одна из первых человекообразующих машин, средство перевода человека в избыточную жизнь, или бытие. Именно конструктивная сторона мифа объединяет его с философией. Ритуалы (а миф - это словесное сопровождение ритуала), "воздействуя на человеческое существо, собственно, и переводят, интенсифицируя, обычное состояние в другой режим жизни и бытия. Именно в тот режим, в котором уже есть память, есть преемственность, есть длительность во времени, не подверженные отклонениям и распадам (которым они были бы подвержены, предоставленные естественному ходу натуральных процессов). Мы помним, мы любим, мы привязаны, имеем совесть - это чисто человеческие состояния - тогда, когда мы уже прошли через формообразующую машину" [22,с.16].

Сформулируем теперь отличие философии от мифа [см.: 22].

1. а) Миф - это упакованная в образах и метафорах тысячелетняя коллективная и безымянная традиция. Иными словами, миф - это запись или устная фиксация коллективного ритуала.

б) Акт философствования - акт автономной, неритуальной мысли; акт, имеющий авторство и дату. Таким образом, философия, в отличие от мифа, индивидуальна и датируема. Она представлена актами понимания мира с помощью изобретаемых философом принципов (вода, огонь, воздух и т.д.).

2. а) Мир мифа есть такой мир, в котором нет проблем. Миф есть освоение мира, его осмысление, организация без постановки вопросов. Непонятные силы превращаются в понятные посредством приписывания их доступному, но отличному от человека мифологическому образу. Миф - это мир образов.

б) Для философа мир становится проблемой; непонятное конкретизируется, а это уже отличается от просто "непонятного". Выступление мира в качестве проблемы не есть нечто само собой разумеющееся, это историческое событие. Превращение непонятного в понятное философ осуществляет посредством создания и определения понятий. Таким образом, философия есть конструирование понятий и их определение в процессе создания философского текста.

Основные черты античной философии

Философия родилась как попытка определить фундаментальные основания бытия человека. В качестве этих оснований не могут выступить знания, поскольку одно лишь знание вовсе не всегда приводит человека к мудрости. Как говорил Гераклит, "многознание уму не научает". Мудрость же - это способность видеть в жизни то, что действительно является главным, что важно для нас как людей. Но что характеризует нас как людей, кого мы называем настоящим человеком? Того, кто способен на истинно человеческие поступки и переживания, - в частности, способен на дружбу, любовь, верность, акты самопожертвования, восприятия прекрасного, поступки добра, и т.п. Специфической характеристикой подобного рода духовных поступков и переживаний выступает гораздо большая степень устойчивости по сравнению с чисто психическими и биологическими чувствами и реакциями. Что же удерживает в сохранности, например, дружбу? Сократ назвал эту основу "упорядоченной структурой души". Почему камень сохраняет устойчивую форму? Потому, что у него есть кристаллическая решётка. Какая-то структура, по видимому, должна быть и у духовных состояний. Не зря даже в языке мы, желая охарактеризовать настоящего человека, говорим о том, что у него есть "личностный хребет", "внутренний стержень", "твёрдые принципы", и т.п.

Именно эта идея и выразилась в античности в понятии Космоса. Во избежание распада личности на хаос сиюминутных желаний и чувств человек должен иметь внутренний стержень, какую-то устойчивую основу, опираясь на которую, возможно преодолеть своё биологическое начало и быть свободными.

Античный Космос - это не физическая Вселенная в нашем современном понимании. В переводе с древнегреческого, космос - это порядок, строй, шеренга, устав. Космос в этом смысле - это не только мир в целом, представленный в своей разумной и упорядоченной организации. Космосом может быть и душа человека, и прекрасная статуя - в том случае, если они содержат в себе внутреннюю гармонию, являются цельными и упорядоченными.

Итак, первая и главная черта античной философии - это **космоцентризм**. Это означает, что во всём, начиная от мира в целом и заканчивая любым отдельным явлением, античные философы искали разумную, упорядоченную структуру, как основу для понимания себя и мира. Данная структура представляет собой мироздание, организованное согласно какому-то универсальному закону.

Но что означает наличие порядка в мире? Это значит, что все отдельные части мироздания находятся в гармоничном отношении между собой. Но гармония и соразмерность целого, с точки зрения античности, есть красота. Мир устроен гармонично, считал древний грек, и то, что кажется нам в нём случайным и хаотичным, есть просто свидетельство нашей неспособности увидеть смысл отдельной вещи или явления в свете целого. Всё в мире преисполнено красоты и наполнено смыслом, гармонично соответствующим внешнему облику вещи. Мы постигаем истинную сущность вещи лишь в той степени, в какой способны воспринять её красоту. Анаксагор говорит, например: "красота и есть явление истины в чистом виде". Итак, второй основной чертой античной философии выступает её **эстетизм**.

Отсюда следует также, что в античной философии идея и материя мыслились в неразрывном единстве. Например, у Демокрита атом - вовсе не "кусочек материи", атом несёт в себе и идеальное начало: "Что такое атом Демокрита? Это есть такое физическое тельце, которое не подвержено ровно никаким физическим воздействиям, которое вечно и неизменно и которое является физически воплощённым геометрическим телом, включающим всю идеальную неподвижность и неизменчивость геометрического тела" [цит по: 11, с.122].

Или, скажем, идея в понимании Платона вовсе не отделена непроходимой пропастью от обычных вещей: это не бестелесная сущность, а форма вещи, неотделимая от самой вещи: "Что такое идея Платона? Это есть такая умственная и смысловая инстанция, которая конструируется для объяснения материальных вещей и прежде всего для объяснения чувственно-воспринимаемого космоса. Она есть не что иное, как обобщение материальной космической жизни...эта античная, и пусть самая абсолютная идея, оказывалась всё же не чем иным, как определением материально-чувственных вещей, их порождающей моделью" [цит. по: 11, с.122].

В качестве третьей основной черты античной философии выступает её **рационализм**. С самого начала греческая философия ищет рациональные объяснения происхождения и сущности мира. Когда мы критикуем людей эпохи мифологического мировоззрения, говоря, что их объяснение природных явлений волей богов было ошибочным, то при этом не всегда учитывают, что само объяснение ищется только тогда, когда человеку что-то непонятно. Но всё дело в том, что для древнего человека в мире не было чего-то "непонятного". "Самодостаточное "язычество" не нуждалось в системах, ибо предполагало такую родовую жизнь, которая ещё сама для себя система"¹. "Непонятное" появляется тогда, когда человек начинает размышлять над устройством мира и удивляться вездесущности исходной упорядоченности. Эта упорядоченность, только и достойная для философа размышления, получила различные понятийные оформления и выступила принципом понимания и существования. В античной философии это выразилось в требовании оценки всех мнений и чувственных ощущений человек с позиций Логоса - универсального закона, разумного принципа, лежащего в основании мироздания. Тем самым был сделан шаг от системности родовой жизни к системе рациональной доктрины. "Рационализм - потому и рационализм, что он вносит момент методической самокритики мысли, подчиняя мысль сумме формализуемых правил, развивает рефлексию, обращённую, во-первых, на само мышление (логика, гносеология), во-вторых, на инобытие мышление в слове (теория языка, поэтика, риторика)"².

Греки считали, что первоначала всего существующего имеют объективное, т.е. независимое от человека существование. Им подчиняются не только люди, природа и животные, но даже и боги. Античная философия также онтологична. То есть, её центральный мотив - выяснить, что действительно есть, обладает бытием, а что только кажется существующим. Именно в античности были различены объективная истина и субъективное мнение.

---

¹ Аверинцев С.С. Глубокие корни общности //Лики культуры. М.,1996. С.434.

² Там же. С.442.

Следует, правда, учитывать, что представление о том, что античные философы резко ополчались на "мнение" и на чувственное восприятие, считая их недостоверным источником истины по сравнению с мышлением, не вполне отражает действительность. Философы (например, тот же Платон) упрекали софистов не в том, что они отрицали человеческую субъективность, а скорее, в том, что они придавали ей универсальное значение. Другими словами, ошибка софистов в том, что они не имеют критерия для выбора среди мнений того, которое истинно. Но они прекрасно сознавали, что любая истина - это всегда чьё-то мнение или восприятие, и мы не избавлены от этих аспектов истины потому, что мы люди. Но последнее вовсе не означает, однако, что сама истина нам вообще недоступна. С точки зрения Платона, критерий выбора истинного мнения существует. Чтобы мнение достигло истины, вещи должны восприниматься нами в своей внутренней красоте, а те, кто их воспринимает, - вдохновляться добром. Истинное мнение - это функция от красоты и добра.

Философы Милетской школы

Фалес

(624 -546 гг. до н.э.)

Фалес - это один из семи античных мудрецов, философ, математик. Он жил примерно в 624-546 гг. до н.э. в г. Милеты. Имел довольно большое влияние среди граждан, предсказал солнечное затмение в 585 г. до н.э. В математике известна теорема Фалеса о пропорциональных отрезках, с помощью которой он вычислил высоту пирамиды Хеопса.

"Греческая философия - писал Ф.Ницше, - начинается с нескладного на первый взгляд положения, что вода есть первоначало всех вещей"[25,с.157]. Ницше, правда, тут же указывает, что не следует снисходительно относиться к этому утверждению, поскольку оно свидетельствует о шаге вперёд в сравнении с мифологией и является уже чисто философским, в силу следующих обстоятельств: 1) это положение высказывает нечто о происхождении вещей, 2) оно делает это без индосказаний и притч, и 3) в ней, хотя и в зачаточном состоянии, заключена мысль: "всё - едино". Наш русский философ А.Ф.Лосев, в свою очередь, указывает также на "целых три великих идеи, которые стоят за утверждением Фалеса "всё - из воды": 1) идея единства всего, 2) идея неуничтожимости всего, и 3) идея антитезы индивидуальных вещей и безликих стихий. "Нескладным" же оно может показаться лишь человеку, стоящему на современной естественнонаучной точке зрения.

Действительно, при первом взгляде на доставшееся нам философское наследие досократовских мыслителей поражает хаотичность и, с наших современных научных позиций, какая-то "несерьёзность" их представлений. Например, по Фалесу, мир - это большая тарелка, плавающая вверх дном по воде. А Анаксимандр учил, что в небе существуют своего рода шины, наполненные огнём, и этот огонь прорывается из них в виде наблюдаемых нами небесных светил. Согласно учению Анаксимена, Земля есть плоский диск, плавающий по воздуху, и небесные светила тоже плывут по воздуху вроде древесных листьев. И т.д., и т.п. Возникает тогда

вполне правомерный вопрос - почему же такие смехотворные, "игрушечные" представления считаются высочайшими достижениями культуры?

Причина возникновения подобного рода вопросов - в том, что изложение взглядов мыслителей часто ограничивается простым пересказом того, что они говорили. Но ведь нам гораздо важнее понять, что и как они мыслили. Только в этом случае знание истории философии будет не элементом книжной учёности, а соприкосновением с живыми мыслями, выражающими ту глубину понимания и то возвышенное умонастроение, до которых нам со всем нашим багажом научно-технических и культурных достижений ещё нужно суметь подняться. Настоящая история философии - это не история слов, а "море мыслей", имеющих непреходящее значение и актуальных даже для нашего весьма эрудированного по сравнению с людьми прошлых эпох современника.

Мы часто обманываемся в понимании, принимая во внимание прежде всего форму выражения мысли. Мы стремимся, например, буквально понимать то, что философ выразил посредством символического языка. В действительности же существует некое мыслительное содержание учение Фалеса или, например, Демокрита, независимое от той конкретной исторической формулировки, в которой оно было выражено. Форма выражения мысли зависит от психических особенностей мыслителя и той культурной ситуации, в которой оно было выражено. Но философский смысл его утверждений - всегда поверх и над этой ситуацией, - ведь в акте философствования человек преодолевает свою ограниченность и культурные зависимости, прозревая истинную суть вещей и выходит к тому общечеловеческому и даже общемировому началу, которое лежит в основании всего существующего. Философ - это человек, обладающий искусством мыслить. И именно труд мысли находит отражение в философских текстах. Степенью этого усилия и определяется глубина мысли данного философа.

Что послужило источником утверждения Фалеса "Всё - из воды"? Попробуем восстановить ход его мыслей. Фалес, прежде всего, обратил внимание на разнообразие окружающих его вещей: в мире есть горы, реки, облака, звёзды, солнце, ветер, деревья, мысли, и т.д. Поистине, это разнообразие удивительно! Но именно с удивления и начинается философия. Философ, однако, удивляется не чему-то новому и необычному. Для него удивительными оказываются самые обычные вещи - просто потому, что его развитое чувство истины не удовлетворяется существующими объяснениями, которые устраивают большинство. Ведь любое нефилософское объяснение не может полностью вместить в себя реальность, и потому имеет неустранимо схематичный и ограниченный характер.

Но Фалес как истинный философ не просто зафиксировал, что ему что-то непонятно. Он попытался прояснить причину своего чувства удивления. Ведь мы видим в мире не полный хаос. В мире соблюдается вполне определённый порядок: зима сменяет осень, лето - весну, дома не разрушаются сами собой, а человек, становясь старше, не только становится больше, но и приобретает новые качества: так, мальчик становится юношей, а затем мужчиной, девочка превращается в девушку и затем в женщину, и т.д. Но если в мире есть хоть какая-то устойчивость и порядок, то он на чём-то должен держаться. Гениальность прозрения Фалеса состояла в том, что за всей изменчивостью и многообразием окружающих нас явле-

ний он увидел единое скрепляющее начало. Поскольку если бы его не было, мир давно бы уже пришёл в полный хаос. Мир должен быть един! - к такому выводу, по всей видимости, пришёл Фалес. Что же собой представляет это объединяющее все явления мира первоначало?

Изучая рассуждения философов милетской школы, можно выделить основные формальные признаки первоначала: 1) первоначало есть то, из чего всё происходит и куда всё исчезает, 2) первоначало само не появляется и не исчезает, 3) первоначало не выступает в качестве просто физической вещи, оно умопостигаемо. Высказывания милетцев интересны попытками дальнейшей конкретизации понятия первоначала, т.е. выявления других, ещё неизвестных его свойств на примерах как природных стихий, так и путём конструирования нового понятия (Анаксимандр).

По Фалесу, в качестве первоначала выступает именно вода. Фалес увидел за всеми проявлениями воды нечто единое. Вода в реке, океане или дождь - это ведь одна и та же вода. Он рассуждал по аналогии: если за всеми многообразными проявлениями воды и формами, которые она принимает, стоит единая сущность - вода, то не стоит ли и за внешним разнообразием окружающих нас вещей также единое универсальное первоначало? Такое первоначало он и назвал водой - поскольку именно вода в наибольшей степени среди окружающих нас вещей указывает нам на эту единую сущность и потому выступает источником появления у человека идея единства мироздания.

При этом воду Фалес понимал в качестве "фюсиса". Строго говоря, понятие фюсиса отличается от понятия первоначала, в качестве которого стало позднее использоваться понятие "архэ". Вода - это именно "фюсис", а не "архэ". "Фюсис" - не только сущность вещи, но и источник тех вещей, которые обладают этой сущностью. Фюсис есть как то, из чего и благодаря чему вещи происходят, так и то, посредством чего сущность оказывается нами познаваемой. В этом смысле "фюсис" - начало как бытия, так и познания. У Аристотеля же "архэ" есть первопричина бытия вещи. В этом смысле Аристотель схватывает в этом термине лишь аспект необходимости, - но в изначальном понятии "фюсиса" как "первоисточника" присутствует и аспект свободы как спонтанной способности порождать всё сущее.

В нашем сознании должны оказаться стёртыми границы между вещами, чтобы возникла идея хаотической, неопределённой субстанции, всепроникающей, всеприсутствующей "стихии". Другими словами, все вещи должны предстать неразличимыми между собой в каком-то определённом отношении. Последнее предполагает, что нам всё равно, с какой конкретно вещью мы имеем дело, поскольку любая вещь не представляет для нас никакой ценности. Мы должны суметь как-то приподняться над обыденностью, освободиться от привязанности к отдельным вещам, чтобы нам открылось совершенно новое, духовное измерение жизни. Бесформенность воды (или, более точно, способность воды принимать любую форму) символически указывает на такую характеристику сознания, как отсутствие закреплённого собственного чувственно воспринимаемого внешнего облика, который присущ любой конкретной материальной вещи. Форму вода получает как бы извне, в случае взаимодействия с формообразующими предметами. Отсюда - свойства ничем изнутри не ограниченного потока (как символ полноты, глубины и из-

начальной хаотичности душевной жизни) в сочетании с развитой способностью "обретения берегов" (как символ "формы, вырастающей из материи").

Вода у Фалеса есть первоисток как бытия мира, так и основание его познания. Следует более подробно остановиться на том, каким же образом начала бытия и познания оказываются тождественными. Для этого вернёмся к определению философии. Философия, по Мамардашвили, есть конструирование понятий и их определение в процессе создания философского текста. Первые греческие философы ломали голову над проблемой различения и взаимосвязи единого и многого, чувственного и умопостигаемого, автономии и гетерономии. Изобретаемые ими понятия (первоначало, апейрон, атом и т.д.) - это символы такого состояния сознания, в котором человеку открываются тайны мироздания или истина (не случайно в дословном переводе с греческого истина звучит как "непотаённое"; открытая тайна и есть истина).

В этом смысле то, что считается первоначалом у досократовских философов, выступает в такой же мере средством познания, как и выражением универсального принципа, лежащего в основании мира. Например, атомы у Демокрита, или числа у Пифагора - это скорее не то, что мы понимаем (говоря, например, что вещи состоят из атомов), а то, посредством чего мы достигаем понимания всех окружающих нас вещей и явлений мироздания; то, в силу чего они предстают для нас в виде целостного и гармоничным образом упорядоченного Космоса. Все эти понятия - символы, отражающие упорядоченное состояние души мыслящего человека.

Символ - это вещь (включая сюда и знаки), которая является конечным представителем бесконечного мира, мира в целом. Символ идентичен по своей структурной организации устройству всего мироздания. В этом смысле символ есть своего рода модель реальности, - но такая модель, которую человек берёт из самой реальности, и которая поэтому не несёт с собой субъективного произвола нашей фантазии и домыслов.

Пример символа - это произведение искусства, философский текст, зафиксированное в знаково-предметной форме научное открытие, поступок морали, религиозная проповедь, ремесленный шедевр, да и вообще всё, что создано в результате свободных творческих актов человека, - поскольку именно в такого рода поступках человек преодолевает свою ограниченность и соприкасается с глубинными основаниями мира в целом. Результат этих действий внутренне содержит в себе уловленную человеком гармонию мироздания, которую он выражает в прекрасных и совершенных формах. Поэтому, только преобразуя себя, человек, будучи конечным существом, ограниченным своей эпохой, своим временем и культурой, субъективными пристрастиями и антипатиями, оказывается способен постигать объективную истину, имеющую вневременной характер. Эти преобразования в человеке всегда связаны с поиском и созданием такой формы (тела), которая бы отразила, т.е., символизировала, нашу духовную трансформацию (как в случае с "водой": вода должна обрести "свою" форму). Таким образом, акт создания символа и акт обретения понимания оказываются одним и тем же актом. "Тело" же, как справедливо отмечает И.Кант, "ищется с трудом".

Однако у Фалеса понятие первоначала ассоциируется с водой как природной стихией. Где же здесь следы труда? - спросит размышляющий читатель. Особое отличие тех философов, у которых в качестве первоначала выступает так называемое "первовещество" - земля, вода, воздух, огонь - или, "стихии", в том, что эти символы созданы самой природой. Но всё равно тот же Фалес, например, должен был совершить определённое усилие мысли, чтобы увидеть обычную воду в качестве символа идеи единства мира. И это действие состояло в том, что он от личного имени мифического бога Океана перешёл к понятию воды как природной стихии. Понятие же - это и есть способ прояснить чувственно данную нам интуицию истины, выраженную в образно-символическом виде.

Вода как необходимое начало есть нечто простое, далее неделимое, по отношению к которому понятия происхождения и изменчивости не имеют смысла, и которое поэтому нельзя считать возникшим из чего-то другого.

Выражение Фалеса "Всё - из воды" не следует понимать как несовершенное выражение идеи единства мира. Скорее, сама эта идея лишь один из вариантов смыслового прочтения данной фразы, - но само по себе её содержание неизмеримо глубже столь схематичной и абстрактной идеи.

Здесь мы видим и идею происхождения, свободного творческого рождения (т.е. идею "фюсиса"), и идею о том, что не человек познаёт мир, а сам мир, определённым образом воздействуя на человека, преобразует его состояние в такое, когда перед ним непосредственно открыта сущность вещей (т.е., идею символа), и множество других идей. "Вода" у Фалеса - не абстрактное понятие новоевропейской метафизики, это живое понятие-символ, выражающее полноту и цельность мировосприятия, интуицию гармонии мира и, в то же время, схватывание исходных оснований человеческого существования, того, что неявно предположено в любом высказывании человека об окружающем мире. Все впоследствии выделяемые свойства мира определяются теперь уже только тем, насколько глубоко мы сумели прояснить смысл данного понятия, в какой степени в созерцании этого единого истока как человеческой природы, так и мира уловили тонкость очертаний открывающихся в глубине этого понятия причудливых и многообразных его форм.

Буквально Фалес, по словам Аристотеля, утверждает следующее: $\epsilon\kappa\ \tau\omicron\upsilon\ \iota\delta\alpha\tau\omicron\varsigma\ \phi\eta\sigma\alpha\varsigma\ \sigma\iota\nu\epsilon\sigma\tau\alpha\iota\ \pi\alpha\nu\tau\alpha$, "из воды, - говорит он, - всё образовалось". Но $\sigma\iota\nu\epsilon\sigma\tau\eta\nu$ означает не только "образовываться", но и "становиться вместе, соединяться" (отсюда появляется потом идея первоначала как Единого у Парменида), и "противодействовать, спорить" (отсюда идея о борьбе противоположностей Гераклита), и "делаться плотным, сгущаться" (это уже весьма напоминает атомизм Демокрита), и "сообразовываться, соответствовать" (это уже близко к учению о числе Пифагора и пифагорейцев). Мы можем отвергнуть Единое и утвердить принцип множественности начал, но мы не сможем пройти мимо мысли Фалеса, так как в ней уже заранее предположена возможность и первого, и второго.

$\Sigma\iota\nu\epsilon\sigma\tau\eta\nu$, "синестезия" в современном словоупотреблении понимается как соединение ощущений от разных органов чувств (например, когда мы говорим: "тёплый желтый цвет"). Но в изначальном смысле этого слова мы имеем не только синтез всех наших чувств, но и синтез всех наших способностей, всех сторон на-

шей психики - памяти, ума, чувственности и воображения. Именно в таком состоянии вдохновения, когда все стороны нашей души сплавляются воедино, будучи предельно развиты, у человека появляется совершенно новое качество, делающее его действительно человеком - сознание. Сознание есть предельное условие единства человека с миром, и оно предположено в любых истинных утверждениях о мире. Таким образом, у Фалеса мы фактически имеем первое выражение представления о сознании, и сама "вода" - есть символ сознания как необходимого условия единства человека и мира.

Человек тогда является человеком в полном смысле этого слова, когда он есть цельная личность. Увидеть единство в преходящем и изменяющемся мире можно только тогда, когда сам человек внутри себя целен, и наоборот: через постижение единства в мире душа человека организуется и приобретает качества упорядоченности и цельности. Человек един тогда, когда он присутствует в полноте своего существа в том, что он в данный момент делает. В этом случае человек не просто нечто "принимает к сведению", фиксируя своим сознанием, что "это - есть". Выдвигая какое-то первоначало, философ фактически постулирует своё жизненное кредо, которое универсально именно в том смысле, что оно, выражая некоторое представление об устройстве мира, в то же время является и глубокой истиной об основаниях человеческого бытия. Но, будучи выражением человеческой сущности, подобного рода истина фактически указывает направление развития, задавая некий идеал человеческого существования. Философская истина - не просто описание действительности, это требование, императив - "Ты должен!". Если же говорить об императиве Фалеса, то он таков: "Ты должен стать цельным, ты не должен быть двуличным, если хочешь носить высокое звание человека!"

Анаксимандр (611-546 гг. до н.э.)

Анаксимандр углубляет проблематику первоначала, открытую Фалесом. Рациональная мысль в лице Анаксимандра обратилась к поискам такого начала всего существующего, которое само по себе не имеет начала.

В качестве "фюсиса" у Анаксимандра выступает апейрон. Буквальный перевод этого слова - неопределённое, бесконечное. Апейрон - это то, что остаётся, если мысленно отвлечься от всех качественных и количественных определений вещи. Но апейрон у Анаксимандра вовсе не безграничен, будучи бесконечным, он завершён, - так же как бесконечен и завершён Космос. Апейрон есть всепроникающее начало для пространства и времени, само не имеющее пространственного и временного характера.

Περας означает нечто замкнутое и ограниченное. Таким образом, апейрон есть "незамкнутое" как "конечное, открывающееся в сторону бесконечного". Или, по-другому, "конечное, выступающее символическим выражением бесконечного". Анаксимандр с помощью данного понятия просто выделяет тот аспект Космоса, который делает его бесконечно сложным. Именно благодаря этому аспекту Космос, будучи конечным, может быть соразмерным всему миру в целом. Другими словами, Анаксимандр выражает идею, что часть реальности, будучи конечной, может

быть столь же сложно устроенной, что и весь мир в целом (эта идея получила затем подробную разработку в учении Анаксагора о "гомеомериях"). Например, человек по сложности своего внутреннего устройства равновелик миру в целом. Именно поэтому человек может воспроизвести в себе самую глубокую и тонкую гармонию мироздания и тем самым постичь её.

А.Ф.Лосев указывает: "Путь от Фалеса к Анаксимандру, от воды к апейрону, есть путь истории диалектики от чувственных характеристик её заданий и натуралистических её исполнений - к неразборчивой смеси чувственно-натуралистического и конкретно-спекулятивного. Ещё далеко до того времени, когда диалектический метод будет осознан во всей спекулятивной чистоте. Но тем не менее и у Анаксимандра - несомненный прогресс. Для Фалеса это всё ещё только мифически-чувственный путь. Для Анаксимандра же здесь уже начало некоторой неясности: он ещё сам хорошо не знает, о каком бытии он хочет говорить; и в своём новом, весьма плодотворном термине захватывает два разных понятия бытия, одно - как полноту качеств и процессов конкретного мира (онтологическое понятие), другое - как исходный пункт диалектической спекуляции (диалектическое понятие)" [18, с.112-113].

Можно сказать, что понятие первоначала Анаксимандр конкретизирует с помощью термина "апейрон". В каком же смысле апейрон бесконечен? Под бесконечностью здесь имеется в виду бесконечное многообразие проявлений Единого, что указывает на бесконечную сложность существования. В каком смысле апейрон неопределён? Неопределённому свойственно определяться, но никакая актуализация не исчерпывает исходную потенцию полностью. Тем самым в акте определения удерживается момент неопределённости как живой источник, как основа для новой актуализации - и так до бесконечности.

От Анаксимандра дошло до нас только одно изречение:

"Откуда вещи берут свой происхождение, туда же они и нисходят по необходимости, ибо должны они платить дань (пени) и быть осуждены за свою несправедливость сообразно порядку времени".

Идея "несправедливости" вещей становится ясна, если вдуматься в выделенные Анаксимандром свойства апейрона.

Анаксимен

(586 - 525 гг. до н.э.)

Анаксимен раскрывает свойства первоначала на примере воздуха. "Анаксимен... в отличие от Фалеса и Анаксимандра пытается заговорить и о способе происхождения конечного из бесконечного. Это и есть его знаменитое учение о сгущении и разрежении, лежащих в основе всякого движения и изменения"[18,с.120].

Бестелесность воздуха символически указывает на идеальный характер первоначала.

Анаксимен останавливается на таком свойстве воздуха, как способность сгущаться и разрежаться. Именно это свойство воздуха лежит в основе многообразия вещественного мира. Вещи различны потому, что различна степень сгущения Воздуха. Идею Анаксимена можно схематично изобразить следующим образом:

сгущение - разрежение - новое сгущение другой степени - ∞
(вещь) (нулевая точка, неопределённость) (вещь)

Фактически, Анаксимен развивает мысль Анаксимандра о взаимосвязи определённого и неопределённого, а тот в свою очередь - идею "единого" Фалеса.

Фалес первый из известных нам философов озадачивается вопросом - есть ли в основе многого единое? Анаксимандр задумался над тем, как происходит многое из единого? Он подчёркивает момент неопределённости единого и бесконечность его определений. Отсюда и многообразие чувственно воспринимаемого мира. Анаксимен, рисуя процесс динамичной взаимосвязи единого и многого, отвечает фактически на вопрос - удерживается ли единое во многом? Как подобное оказывается возможным? Согласно идеям Анаксимена, сгущение воздуха есть постигаемое чувствами проявление "единого", разрежение же воздуха - есть не данное чувствам присутствие единого как основы для дальнейшего сгущения.

Таким образом, траектория мысли, проложенная милетцами, и развивающая идею "единого", подчинена строгим логическим принципам (последовательности, непротиворечивости и т.п.). И наша с вами цель - не просто машинально повторить путь мысли милетцев, но и помыслить самостоятельно, т.е. проложить в пределах, очерченных ими, новые траектории (создавая при этом собственные символы). И кто знает, может оказаться, что созданные траектории возродят к жизни новое, невозделанное ещё пространство, которое лишь для немногих станет землёй обетованной.

Философы Элейской школы

Парменид

(540-470 гг. до н.э.)

Единственное произведение Парменида, дошедшее до нас - поэма "О природе". В этой поэме Парменид, разделяя правильные и неправильные способы познания, выделил три основных пути: 1) путь истины, 2) путь мнения, 3) путь мнений, достойных похвалы. До нас дошло описание пути истины и пути мнения. Повествуя об истинном пути познания, Парменид вводит понятие "ἕναι" (его переводят и как сущее, и как бытие; мы в дальнейшем будем использовать термин "бытие"). Перечисление характеристик и свойств бытия для Парменида возможно благодаря чтению знаков на пути истины. Что же это за свойства бытия?

- 1) Едино ("Одно"), не может быть разделено на части.
- 2) Непрерывно ("Сплошное").
- 3) Вечно ("Не рождённое и не гибнущее").
- 4) Завершённое (т.е. актуальное, а не потенциальное).
- 5) Тождественно с мышлением.
- 6) Есть только в настоящий момент.
- 7) Неподвижно.
- 8) Кроме него, собственно, ничего нет.
- 9) "Круглое", подобно шару.
- 10) Совершенно.

11) Полностью дано, замкнуто.

12) Бесконечно.

Чтобы понять, почему Бытие должно иметь именно эти характеристики, и раскрыть их смысл, следует учесть, что понятие бытия получается из опыта бытия. Опыт бытия - это в то же время и опыт свободы, т.е. состояние, в котором человек реализует свою истинно человеческую сущность, себя в качестве человека. Таким образом, понятие бытия есть не что иное, как абстракция от бытия человека. И потому все те характеристики, которые имеет "просто бытие", раскрывают свой смысл и получают содержательное наполнение именно в качестве характеристик человеческого бытия.

Начиная интерпретацию вышеперечисленных свойств бытия, нужно прежде всего отметить тот факт, что понятие бытия раскрывается у Парменида через противопоставление бытия небытию (все свойства бытия со знаком "минус" относятся к небытию). Таким образом, здесь присутствует идея двух миров, двух жизней - космоса и хаоса, мысли и её отсутствия, бытия и небытия. Небытие у Парменида - символ обыденной, повседневной жизни, когда наши чувства находятся в хаотическом состоянии, а мы сами раздираемы желаниями и страстями. Небытие подобно реке есть поток событий, в котором мы оказываемся и который несёт нас в неизвестном направлении. Мы не управляем событиями и не понимаем, почему с нами происходит именно это, а не другое.

Небытие можно схематично представить в виде горизонтальной линии, состоящей из не связанных между собой отрезков жизни. Бытие же в отличие от небытия *едино и неделимо*. Акт бытия следует понимать прежде всего как акт извлечения смысла (акт видения единого во многом), как пресечение бесконечной повторяемости явлений. Пифагор ввёл термин дурной бесконечности как раз для обозначения неумения извлечь смысл из происходящих явлений. Например, беспрерывно повторяется раскаяние, сожаление по поводу собственных дурных поступков, но ничего не меняется, подобные поступки совершаются вновь и вновь. В этом случае, мы скажем, что у человека не происходит изменение сознания, он не приобретает опыт, не переключается в другой регистр жизни - регистр бытия.

Жизнь человека является действительно *человеческой* жизнью, когда в ней воспроизводятся, удерживаясь на своих собственных основаниях, иных, нежели природные, особые явления, имеющие самоосновный характер, - например, добро, совесть, красота, и т.п. Они - беспричинны в том смысле, что для своего появления не имеют причин вне себя. Объясняя такой поступок человека, мы говорим, что он совершил его "по совести", поступил как личность, - а не из-за страха, по принуждению или в поисках какой-то выгоды. Такие явления, как совесть или добро, имеют целостный, неделимый характер. В том смысле, что совести или добра не бывает половины, четверти - совесть или присутствует вся целиком, или её нет совсем.

Греки говорили, что вчерашняя добродетель не имеет значения, на ней нельзя "спать", т.е. успокаиваться как на чём-то уже достигнутом. Что означает "завтра знать" или "завтра быть добродетельным" в переводе на философский язык? Это значит, что мы считаем бытие делимым, полагаем, что оно не целиком здесь и сейчас. Отложить что-то на завтра - значит предположить, что помимо того бытия, ко-

торое здесь и сейчас, есть ещё какое-то другое бытие. "А греки чисто логически говорят: если есть бытие, то к нему не может примыкать ещё что-то, потому что это "что-то" я тоже должен буду назвать бытием, и тогда у меня бытие распадается, - а его определение предполагает цельность; следовательно, я не могу это назвать бытием" [22, с.].

В каком смысле бытие *есть*, а небытия нет? Ведь мы сказали, что небытие - символ неосмысленной жизни, утонувшей в потоке чувств и ощущений (люди достаточно часто, если не всегда, испытывают подобные состояния). Почему же небытия нет? Небытия нет в том смысле, что о небытии можно высказать нечто осмысленное только с позиции бытия. Высказывание - это понятийное оформление понятого, а раз понимаем, значит бытийствуем. Следовательно, небытия нет в качестве точки понимания. Это рассуждение поясняет одновременно и тезис о *тождестве бытия и мышления*. В этой фразе у Парменида речь идёт не об одинаковости того и другого, а о неотделимости одного от другого. Он говорит: "одно и то же - мыслить и быть", или, по-другому - "одно и то же - бытие и мысль, его узнающая" (т.е., распознающая бытие в качестве бытия). Под мышлением Парменид подразумевает не совсем обычное мышление, а особые акты сознания. Так, для Платона, мышление - это когда "повёрнуты глаза души".

Вдумаемся - что есть бытие? Бытие, прежде всего - это всегда бытие чего-то - бытие дома, бытие мира, бытие человека. Далее, бытие - это не простое существование. Бытие дома, например, - это не существование дома как набора определённых признаков. Бытие - это действительное существование. Мы должны иметь основания, причину, по которой нечто является именно таким, а не иным. Только тогда мы сможем утверждать, что нечто действительно есть, поскольку оно должно существовать с необходимостью, и существовать именно в таком виде. До тех пор, пока мы не определили предельные основания существования данного вида существа, всегда остаётся сомнение в случайном характере происходящего, и тем самым допускается возможность заблуждения, иллюзии существования.

Бытие вещи - это основания существования этой вещи. В частности, бытие дома - это то, что делает данный дом домом. Но что делает дом домом? Простое перечисление нами признаков дома - крыша, стены, обстановка, уют и т.д., - это ещё не то, что есть дом. Ведь не сами эти признаки и свойства есть дом, а то, что их соединяет в то целое, которое мы и называем домом. Таким образом, бытие вещи есть основание соединения отдельных элементов этой вещи в структурно организованное целое. В этом смысле существующий дом можно уничтожить, - но бытие дома как основание распознавания данной вещи в качестве дома - неуничтожимо. И здесь мы вновь подошли к тому, что бытие непосредственно связано с человеком. Бытие дома есть бытийствование человека в акте понимания смысла дома как такового, или, как сказал бы Платон, есть нахождение человека в идее дома. Дом в этом случае - символ бытия человека. Материально выраженная идея дома (будь то в его постройке, или в произведении искусства) и понимание человеком смысла дома совпадают во времени, но топологически - различны.

В этом смысле бытие выступает основанием не только существования, но и основанием познания. Человек, находясь в состоянии понимания, бытийствует сам и даёт бытийствовать тому, что понимается. "Понимать" означает знать тот прин-

цип, в силу которого данная вещь существует в виде отдельного целого и который выступает критерием истинности всех утверждений, относящихся к этой вещи. Именно в этом принципе (как главном признаке, указывающем на специфику бытия вещи) интегрируется совокупность взаимосвязей вещи со всей остальной вселенной. Например, игнорирование духовной специфики человека делает недостоверными все утверждения о человеке с позиций физики или биологии - поскольку последние предполагают тот принцип, который определяет человека не в качестве человека, а в качестве, соответственно, физического объекта или животного. Но последнее не является действительностью его существования: сами физические или биологические модели мироздания в конечном счёте предполагают реальность специфически человеческого бытия. И только если мы абстрагируемся от реально наличной в человеке души или от его свойства быть живым, мы получим соответствующие модели физического объекта или животного. В этом смысле совершенно прав был Протагор, утверждавший, что именно человек есть "мера всех вещей".

Через бытие самого себя в качестве человека человек постигает и сущность всех остальных вещей, перенося на бытие других вещей признаки своего собственного бытия. Но последнее означает, что, когда мы понимаем некий реальный природный объект, например, камень, лишь в качестве физического объекта, это урезает исходную бытийную полноту его свойств. К природным объектам абстракция физического тела в большей степени применима, - однако, строго говоря, и для них она есть схематизация. В отношении же человека подобное упрощение проявляется более явно. Любой отдельный объект имеет свою индивидуальную специфику, и потому само утверждение о существовании общих законов имеет ограниченную сферу применимости.

Существуют две основные причины наших заблуждений - во-первых., изолированное рассмотрение объекта, вне учёта его связей с окружающим миром, и, во-вторых, неясность и неотчётливость наших ощущений или мнений. Правда, вторая причина сводится к первой. Знание частного в силу своей ограниченности никогда в себе не содержит критерия своей истинности и обоснованности. Иногда какой-то отдельный факт или мнение совершенно меняют свой смысл в свете целого. Например, какой-то поступок человека, кажущийся совершенно необъяснимым, если рассматривать его отдельно, становится вполне понятным, если нам окажутся известными соответствующие дополнительные обстоятельства. Или - фраза, вырванная из контекста, совершенно может изменить свой смысл с учётом этого контекста. Чем более широкий контекст мы учитываем и чем более полно знание обстоятельств, относящихся к делу, тем более верным окажется наше мнение. Однако учесть все обстоятельства в принципе невозможно в силу ограниченности человека.

Но тогда как и почему мы способны постигать целое? Возьмём простой пример. Когда мы смотрим на дом, видим ли мы в действительности дом? Строго говоря, наши чувства дают нам представление лишь об одной из сторон дома - например, передней или задней. В силу чего же мы соединяем все отдельные чувственно воспринимаемые нами "виды" дома в единое целое? Этот синтез не могут нам дать сами чувства, поскольку в этом случае мы получим просто ещё один новый "вид" дома, а не сам дом. Кроме того, невозможно сразу увидеть дом со всех

сторон - ведь мы не четырёхмерны. Однако этот синтез может быть осуществлён при переходе к качественно новой способности познания - мышлению. Только в мысли мы можем получить представление о доме как целом и тем самым обрести критерий правильности постижения нами его истинной сущности.

Мы прекрасно знаем, однако, что и наши мысли могут быть ошибочными. Это означает, в свою очередь, что мы неправильно соединяем, - например, теоретически мы можем соединить стену дома с задней частью проходящей мимо лошади. Поэтому встаёт вопрос о том, что выступает основанием синтеза, который совершается на уровне чувств? Основанием является соединение данных как нашего ума, так и нашей чувственности, т.е., новый уровень синтеза. Но реальный синтез этого рода даёт нам сознание. С помощью данного понятия мы как раз и выражаем максимальную степень целостности человеческого существования. Целостность мы можем постичь только в том случае, если сами будем цельны. Именно это состояние Парменид и называл мыслью. Таким образом, по Пармениду, не бывает ложных мыслей. То, что мы называем ложными мыслями - это всего лишь слова, формальное оперирование знаками действительности, за которыми не стоит живое переживание реальности самим человеком. Если же есть мысль, то она всегда истинна.

Итак, критерием бытия выступает мысль, а критерием мысли - Единое. В самом деле, там, где мы имеем альтернативность и неопределённость, там нет истинного мышления. Ведь настоящее мышление есть не произвол наших домыслов, оно ведомо самой действительностью. Где есть живое человеческое состояние, состояние сознания, там человек непосредственно вовлечён в то, на что направлено его внимание, и он видит ясно эту действительность, а потому не может ошибиться. Поэтому неправильно говорить, что Парменид считал наши ощущения ложными, а мысли - истинными. Важнее то, имеем ли мы в данном случае достижение человеком состояния сознания, или нет. Однако следует отличать синтезирующую работу сознания, производимую на уровне автоматизмов, и живое осуществление синтеза впервые и непосредственно. Последнее есть то, что предшествует всяким автоматизмам. И в первом, и во втором случае мы имеем дело с сознанием, но только во втором случае - с бытием.

Как указывает А.Ф.Лосев, "элейцы проповедуют одновременно и лишённый множественности мир бытия и вполне множественный, подвижный мир чувственных ощущений. В единстве того и другого Аристотель находит целость и совершенство, потому что не существует ничего такого, чего не хватало бы парменидовскому единому, или бытию, или что существовало бы отдельно от него. "Единое есть всё, взятое в своей совокупности", так что "бытие имеет середину и концы". Совершенно недвусмысленно говорит Плутарх о Пармениде, что "он не отрицает ни той, ни другой природы (ни умопостигаемого мира, ни кажущегося), - отдавая каждой из них должное" [15, с.355].

Итак, бытие постигается только "мыслью" (т.е., сознанием), и, с другой стороны, достижение человеком бытийного состояния есть необходимое условие правильности "видения", а значит, условие истинности результатов нашего мышления. Именно эта идея и была выражена Парменидом в вышеприведённом высказывании о "тождестве" мышления и бытия.

А что означает утверждение Парменида о вечности и неподвижности бытия? бесконечности, но завершённости? Бытие неподвижно в том смысле, объясняет М.К.Мамардашвили, что в случае истинного раскаяния нет больше смены сожаления и поступка. Человек больше не совершает того, из-за чего ему приходится раскаиваться.

Бытие вечно, так как не появляется и не исчезает. Оно - не во времени. Единица времени - это единица измерения. Измерение происходит благодаря расчленению действительности на века, годы, месяцы, дни, минуты, и т.д. Однако смысл измерения - в достижении охвата целого. Вечность как единое - точка отсчёта и конечная цель любого измерения. Таким образом, время - это способ видения Единого (ср. с Кантом: "время - феномен (явление) вечности творца"). Бытие вечно, потому что самоосновно, само воспроизводит собственные причины. Произведённое в акте бытийствования есть одновременно и результат данного акта, и причина для другого возможного акта. Отсюда идея бесконечности как бесконечной возможности бытийствования. Бытие есть нечто самоподдерживающееся, живое; это своего рода "движущаяся неподвижность". Не случайно Парменид сравнивает бытие с кругом. Круг - это завершённая бесконечность, и бытие - бесконечно, но завершено. Завершено в смысле предельности каждого конкретного осуществления. Так, например, мы испытываем состояние гармонии от созерцания произведения искусства, чувствуя, что это творение завершено, к нему нельзя "ничего прибавить и ничего убавить" (Аристотель).

Зенон

(р.510 -ок.460 гг. до н.э.)

Зенон был учеником Парменида. Если Парменид доказывал, что бытие едино, постигается лишь нашей мыслью, то Зенон доказывал, что оно не размножаемо и что к нему неприменимы чувственно воспринимаемые, например, пространственные и временные характеристики.

При этом Зенон вовсе не утверждал, что не существует реального, непосредственно наблюдаемого нами движения тел. Известна история, согласно которой после того, как Зенон изложил свои аргументы против движения, его ученик Антифен встал и начал ходить перед ним, указывая тем самым на очевидность факта движения. Это событие получило отражение у Пушкина в стихотворении:

Движенья нет - сказал мудрец брадатый

Другой смолчал и стал пред ним ходить.

Сильнее он не мог бы возразить.

Хвалили все ответ замысловатый...

Зенон же в ответ на это возражение побил ученика палкой. Он ведь вовсе не утверждал, что движение - иллюзия. Речь шла о том, что при попытке мыслить движение, т.е. составить теоретическую модель движения, мы сталкиваемся с определёнными трудностями и противоречиями, источником которых выступает несовершенство и ограниченность используемых нами методов и средств познания.

Проблема здесь в действительности заключается вот в чём: реально наблюдаемое нами движение - дискретно, поскольку имеются пределы разрешающей

способности нашего восприятия. Поэтому мы не можем проследить последовательно все положения тела, которые оно занимает при осуществлении движения. И если мы пытаемся строить модель движения, опираясь только на те данные, которые получаем посредством чувств, мы приходим к неустранимому противоречию, - поскольку попытка нашего мышления составить непрерывное движение из отдельных дискретных его элементов равносильна остановке движения, а тогда оно исчезает именно в качестве движения.

Т.е., Зенон вовсе не утверждает, что движения нет или что оно невысказано. Он имеет в виду лишь то, что попытка мыслить движение, исходя из отдельных его частей, ведёт к логическому противоречию, указывающему на неверность выбранной нами исходной идеи, согласно которой свойства целого можно свести к свойствам составляющих его частей.

Движение - не простая механическая сумма отдельных местоположений тела. Оно целостно и неделимо, и лишь ретроспективно, исходя из факта совершившегося уже движения, мы можем произвольно разлагать его на отдельные части. Любое движение - это уникальное соединение входящих в него элементов, которые определяются принципом, лежащим в основе всего движения, а не какой-то из его частей. Одно движение отличается от другого именно этой своей внутренней организацией, и потому качественно отличается от любого другого движения. Каждое движение подчинено своему внутреннему закону. Другими словами, по Зенону, отдельные отрезки континуума неэквивалентны между собой: даже если они равны по длине, они различаются своей внутренней организацией. Как говорит А.Бергсон, "предположить, что подвижное тело *находится* в какой-нибудь точке пробега, это значит одним ударом резца, направленного в данную точку, разрезать пробег надвое и единую - как считали сначала - траекторию заменить двумя. Это значит различать два последовательных акта там, где, согласно гипотезе, существуют только один. Словом, это значит перенести на сам полёт стрелы всё то, что может быть сказано о пройденном ею промежутке, то есть а priori допустить ту несообразность, что движение совпадает с неподвижным" [7,с.296].

Наиболее известная апория (парадокс) Зенона - "Ахиллес и черепаха" - формулируется следующим образом. Ахиллес и черепаха движутся в одном направлении, причём скорость Ахиллеса намного больше скорости черепахи. Когда Ахиллес преодолеет расстояние, отделяющее его от черепахи, та уползёт от него на некоторое расстояние. Когда он пробежит это последнее расстояние, черепаха опять уйдёт на некоторое расстояние, - поскольку она вообще движется, а не стоит на месте. И этот процесс будет продолжаться бесконечно, поскольку число рассматриваемых отрезков бесконечно. Как указывает Бергсон, уловка Зенона состоит в том, что он заставляет Ахиллеса двигаться по произвольно выбранному закону. А именно, Ахилл должен сначала осуществить непрерывное движение до той точки, где перед этим черепаха была, затем - той точки, куда она перешла за то время, пока он осуществлял этот переход, и т.д. Условие, налагаемое на движение Ахиллеса, можно наглядно представить следующим образом: Ахиллес и черепаха скреплены стержнем, который может сжиматься сколь угодно, но никогда не превратится в ноль. Таким образом, Зенон указывает, что причиной парадокса выступает представление о том, что движение рассматривается как уже пройденное расстояние,

поддающееся произвольному разложению и составлению с точки зрения некоторого внешнего по отношению к самому этому движению взгляда.

Зенон, таким образом, различает внутренние и внешние отношения между объектами. Внешние отношения - это отношения между объектами, в которых учитываются лишь общие характеристики данного класса вещей, независимые от познающего субъекта. Именно с такого рода отношениями имеет дело классическая наука, выделяющая так называемые "первичные" - физически-объективные - качества вещей: массу, плотность, электропроводность, и т.п. Наряду с этим, однако, существуют и внутренние отношения - в которых учитывается роль и влияние познающего субъекта на познаваемую им реальность. Пример результата подобного рода отношений дают нам так называемые "вторичные" качества - цвет, вкус, и т.п.

Тем самым, Зеноном был сделан определённый шаг в развитии мысли Парменида о Едином как основании существования любой вещи. Парменид выделил лишь самые общие характеристики бытия сущего без учёта специфики этого сущего. Зенон же указал, что если эту специфику не учитывать, то нам не удастся помыслить (представить в логически непротиворечивой теоретической схеме) некоторые виды сущего - например, проявление духовных состояний человека или движение, - т.е. того, что имеет неустранимо временной характер. Уникальность и несводимость одного вида бытия к другому его виду явно проступает как раз в феномене движения, - хотя в принципе этой характеристикой (- индивидуальность бытия) обладает любое сущее. Идея индивидуальности бытия любого сущего была более подробно разработана в атомистической теории Демокрита.

Идея различия внутренних и внешних отношений концептуализируется в математике в различении хаусдорфовых и нехаусдорфовых пространств. "Пространство X называется *хаусдорфовым*, или *отделимым*, если для любых различных точек x и y существуют непересекающиеся открытые множества U и V , содержащие соответственно точки x и y . Иначе говоря, пространство X является отделимым по определению, если для любых его произвольных точек x и y можно указать такие их окрестности, которые не имеют общих точек" [29,с.87]. Как указывает В.А.Успенский, "в нехаусдорфовых пространствах могут возникать неожиданные явления: например, одна и та же последовательность может иметь два различных предела" [29,с. 80]. Различные пределы могут получиться именно потому, что обычная теория континуума не различает особенностей внутреннего строения объектов, - которые тем не менее проявляются при определённого типа операциях с этими объектами.

Любые объекты, имеющие сознательное измерение, могут быть адекватно описаны только в терминах неотделимого (нехаусдорфового) пространства. Например, как указывает М.К.Мамардашвили, сознательные объекты, "как бы закручиваясь вбок и на себя, ...ускользают из-под управляющей руки предельного, максимального понимания универсальной связности Вселенной"[21,с.35]. Человеческая мысль, будучи непротяжённым объектом, не может быть представлена в терминах обычного (хаусдорфового) пространства и времени, однако в силу внутреннего единства человека и мира оказывается возможным создать модель, соединяющую мысль и бытие. На то, что эта возможность принципиально существует, указывает сама идея Парменида о неотделимости мышления и бытия.

Обычный континуум опирается на интуицию внутреннего отношения точек. Однако законы отношения точек, устанавливаемые для континуума, имеют чисто внешний характер. Поэтому парадоксальным является возможность составления протяжённого геометрического отрезка из непротяжённых объектов - точек, каждая из которых имеет меру длины, равную нулю. В то же время, если мы будем считать, что отношения между точками в континууме - только внутренние, мы столкнёмся с другой проблемой, - а именно, в метрическом парадоксе одним из самых неясных моментов выступает вопрос о том, почему отдельные точки из несчётного множества (континуума) точек не "слипаются" друг с другом.

Решение проблемы состоит в том, чтобы учесть оба рода отношений - как внутренние, так и внешние. Т.е., континуум оказывается не только непрерывен, но и структурно организован, в нём имеются разнородные элементы. Из одних только действительных точек на самом деле нельзя составить никакой протяжённый объект, поскольку каждая точка на действительной оси есть чистый нуль. То, что мы имеем дело с множеством мощности континуума, ничего не меняет. Во-первых, ещё сам создатель теории действительного числа Г.Кантор указал пример множества, мощность которого равна мощности континуума, а мера равна нулю. Во-вторых, сама счётность или несчётность множества оказывается понятием относительным - как показал Сколеман в 1922 г.

Ещё Г.Лейбниц, а затем Д.Гильберт высказали идеи, которые позднее были реализованы в теории нестандартного анализа, позволяющей разрешить данный парадокс. Согласно данной теории, существуют своего рода актуально бесконечно малые величины, большие нуля и в то же время меньшие любого наперёд заданного числа. Особенность их состоит в том, что для них не выполняется так называемая аксиома Архимеда. Согласно этой аксиоме, $\forall L > 0 \exists M > 0$ такое, что если дано конечное постоянное r , $\varepsilon > r > 0$, то $Mr > L$. Для вышеуказанных же чисел верно то, что $\exists L > 0$ такое, что для $\forall M > 0$ и такого r , что $\varepsilon > r > 0$, $Mr < L$. Другими словами, даже если мы возьмём бесконечную сумму данных величин, она не превзойдёт величины единичного отрезка. Эти величины дополняют множество действительных чисел, "вклиниваясь" между любыми двумя числами, и вместе образуют множество так называемых гипердействительных чисел. Как раз таки из суммы этих своего рода "квантов" длины и образуется ненулевая и в то же время конечная длина любого отрезка.

Гораздо более интересным является вопрос о существовании и смысле этого рода математических объектов. Поскольку гипердействительные числа связаны между собой внутренними отношениями, то внутри наших моделей реальности оказываются скрыты некоторые модели самой познавательной способности человека. Континуум представляет, таким образом, модель не только материально-телесного аспекта мира и отдельных объектов в нём, но и представляет человечески-духовный аспект мироздания. Тем самым континуум есть не что иное, как концептуализация исходного целостного интуитивного постижения нами действительности. Именно поэтому одно только прояснение исходных интуиций, которые легли в основу идеи континуума, приводит нас ко всё более сложным его моделям. Эти модели есть просто выявление тех аспектов реальности, которые послужили источником математической модели континуума, так что по своей внутренней структуре континуум

в принципе устроен столь же сложно, как и вся Вселенная, весь Космос. В этом смысле данная идея сразу же задаёт предел всех возможных его концептуализаций, приводящих в силу неустранимо схематического их характера к определённым противоречиям и проблемам, разрешаемым на стадии учёта более тонких закономерностей реальности, отражаемой посредством данной модели.

В частности, примером более глубокой модели континуума может выступить модель, предложенная русским философом П.Флоренским. А именно, Флоренский предложил для выполнения условия хаусдорфовости пространства считать, что за каждой действительной точкой следует мнимая, и наоборот, т.е., что они чередуются. Внедрение мнимых точек в действительную ось эквивалентно представлению о том, что аспект мысли может присутствовать не всегда, и соответственно этому происходит своего рода "отпадение" от бытия. Для человека это оборачивается отстранением от своего истинно человеческого начала, своего духовного истока. По Пармениду, здесь мы имеем одни лишь ощущения, а не мысль. Не о том ли говорил Гераклит, утверждая, что огонь человеческой мысли "мерами вспыхивает и мерами угасает"? Или Демокрит, в своей теории атомов утверждавший по сути идею дискретного характера процесса вхождения человека в истинно человеческое, бытийное состояние? И не выражает ли неклассическая теория пространства-времени как пространства Г.Минковского, имеющего псевдоевклидовый характер, и являющегося совокупностью комплексных величин, выражением более глубокого понимания реального пространства и времени именно потому, что в ней учитывается, хотя и в упрощённой форме математической модели, принципиальная взаимосвязь материального и духовного аспектов мироздания?

Итак, по Зенону, нельзя делить понятие движения, ибо это ведёт к логическим противоречиям. Но он вовсе не утверждал, что движение вообще нельзя мыслить. Движение немислимо, если мы пытаемся мыслить движение, представляя его составленным из отдельных частей или кусков, - т.е. если мы строим дискретную модель того, что имеет существенно непрерывный характер. Если же мы берём движение как целостное и непрерывное образование, оно вполне мыслимо. Но что есть движение, взятое как целое? Это есть бытие движения, которое едино и неподвижно, как и любое другое бытие. Бытие движения есть то, что делает движение движением. И оно вполне мыслимо, как мыслимо любое бытие, - в полном согласии с Парменидом. Смысл движения как движения может от нас ускользнуть, если мы рассматриваем лишь отдельные куски движения. Смысл относится только к целому, и лишь из целого может быть извлечён. Так, смысл слова не содержится в отдельных буквах и относится ко всему слову в целом. При переходе к бытию данной вещи или явления мы преодолеваем бесконечность её описания и сразу выделяем сущностное качество, относящееся к вещи как целостной и неделимой.

Зенон, однако, вовсе не утверждает при этом, что движение невозможно разложить на отдельные составляющие. Он лишь говорит о том, что закон и правило этого разделения мы должны брать из самого движения, а не накладывать на него внешним образом. Дифференциальное представление движения в механике опирается именно на эту идею Зенона. В самом деле, если мы рассматриваем траекторию движущегося тела, то скорость движения этой точки определяется как $v = \lim \Delta r / \Delta t$. Фактически мы здесь берём достаточно большой кусок движения и затем стягива-

ем его к точке. То есть, часть может быть понята только в свете целого, и можно представить часть движения как движение, если у нас уже задан закон движения.

Зенон в действительности указывает на то, что части скрепляются в целое силами какой-то иной природы, отличающейся от той, которая присутствует в отдельных частях. Синтез частей осуществляется в ином измерении бытия. Другими словами, невозможно осуществить непрерывный переход от элементов к целому. И этот факт выражается в том, что целое обретает такие качества, которых не имеют отдельные его элементы. Понимание возникает только скачком. Предельный переход (в частности, переход к бесконечности) как раз и выражает переход к новому качеству. А достижение нового качества есть рождение новой целостности. Любые схемы и модели в этом смысле есть абстракции от живого ощущения непосредственного соприкосновения с истинной сущностью предмета.

Следует учитывать, что математические занятия для древнего грека не служили лишь игрой ума или чисто теоретическим обеспечением достижения прагматических целей. Математика выступала главным образом средством прояснения интуитивного понимания существа человеческой природы. Апории Зенона на чисто математическом языке выражали на деле фундаментальные апории в основаниях бытия человека. А именно, человек в качестве человека появляется только в результате качественного преобразования исходно данной нам природой животной сущности. Нельзя пройти мимо необходимости совершить усилие, только благодаря которому и появляется само это духовное измерение, наличие которого делает человека человеком. Человек не избавлен от решения главной своей проблемы - "быть или не быть?". Он не может уйти от её решения, если хочет стать счастливым. Природа человек так устроена, что любое частичное её решение является неудовлетворительным. Когда мы пытаемся "малой кровью" достичь человеческого состояния, думая, что отдельные наши достижения и достоинства дают мне полное право считать себя в полном смысле этого слова человеком, и при этом уходим от тех проблем, которые действительно важны для нас как людей, то мы никогда не достигнем человеческого состояния, - лишь состояния своего рода "обезьяны цивилизации". Бытие человека - здесь и сейчас, как очень точно сказал Парменид. Мы не можем отложить "на потом" решение проблемы, быть нам или нет людьми.

Таким образом, элейцы отрицали не само по себе многое, а именно бессмысленную множественность "дурных повторений". Элейцы отрицали не всякую множественность, а именно раздельную множественность как совокупность не связанных между собой и изолированных друг от друга элементов. "Та же множественность, которую признавали элейцы, обязательно охватывается единым и непрерывным бытием и вовсе не есть абсолютная взаимная изоляция" [15,с. 364]. Едино не только всё бытие, но едина в своей основе и каждая вещь. "Всеобщее единое отражается в каждой вещи, почему она не только вечно течёт, не только постоянно хаотична, но всегда содержит в себе и нечто не текучее, дающее возможность её познавать, мыслить и именовать" [15,с. 359].

Гераклит (535 -470 гг. до н.э.)

Наибольшие по объёму биографические свидетельства о Гераклите оставлены Диогеном Лаэртским, который в свою очередь осуществил компиляцию известных ему сведений современников и потомков Гераклита. Будучи родом из Эфеса, Гераклит принадлежал к знатному эфесскому роду; расцвет его творчества приходится на 69 олимпиаду (504-501 гг. до н.э.), - но точная дата его рождения неизвестна.

Гераклит отказался в своё время от должности басилевса (правителя) в пользу брата Гермодора, которого эфесцы в итоге изгнали из города. Гераклит же, считая брата "лучшим человеком", платит эфесцам ненавистью и презрением: " Все взрослые эфесцы заслуживают того, чтобы их казнили..."[30, с.176]. Когда эфесцы просили Гераклита дать им законы, он ответил отказом, заявив, что город уже во власти дурного устройства. Гераклит считал, что "народ должен сражаться за попираемый закон как за стену города". Поэтому если люди позволили установиться в городе беззаконию, то никакие (даже самые лучшие) законы, привнесённые извне, не смогут исправить положение. Основой социального порядка является не только закон, но прежде всего человек, выполняющий и отстаивающий закон всегда и везде.

По одним сообщениям современники Гераклита прозвали его Тёмным из-за аллегорического стиля и труднопонимаемого содержания речей философа: "Гераклит Тёмный богословствует о природе в неясных выражениях, о смысле которых можно догадаться через символы... и всё его сочинение "О природе" написано в загадках и аллегориях" [30, с.179]. Когда, однако, Сократу дали сочинение Гераклита и спросили его мнения, Сократ ответил: "Что понял - великолепно, чего не понял, думаю, тоже, а впрочем нужен прямо-таки делосский ныряльщик"[30, с.179]. Говорят, что Гераклит отличался великодушием, замкнутостью, чудаковатостью поведения и остротой языка. Так, на вопрос - почему он всё время молчит, Гераклит ответил - "чтобы вы болтали!" [30, с.178].

По другим сообщениям, Гераклит, появляясь в общественных местах, очень часто плакал, за что его прозвали "плачущим философом". На вопрос - в чём причина слёз? - Гераклит отвечал, что оплакивает "всё, осуждая невежество всей жизни и всех людей, но испытывает жалость к жизни смертных". Рассказывают, что странники, прослышав об этом известном эллине, пожелали встретиться с Гераклитом, но когда подошли к его дому и увидели, что он греется у печки, остановились в смущении. Тогда он пригласил их смело входить, "ибо и здесь тоже обитают боги"[30, с.179].

Гераклита называют автором труда "О природе" (*peri physeos*), из которого до нас дошли лишь отдельные афоризмы. "Относительно термина *physis* необходимо сказать, что оно меньше всего означает "природу" в нашем понимании этого слова. Понять этот термин можно только из греческого глагола *phu* (рождать, рождаться). Поэтому *peri physeos* мы бы перевели "О существующем" (или о вещах, о природе вещей с точки зрения их происхождения, возникновения) [15, с.371].

Разбирая философские идеи Гераклита, нужно прежде всего иметь в виду, что его писания по стилю - скорее поэзия, чем философия. Символические образы, аллегории, метафоры - всё это в полной мере присутствует в гераклитовских текстах. Мы не встретим там таких понятий как: "борьба противоположностей", "становление", "превращение", "покой", "движение", "бытие", "разум", "материя", "дух" и т.д., хотя именно в этих мыслительных категориях анализируется философия Гераклита. Как отмечает А.Ф.Лосев, существует "разительное несходство между относящимся к Гераклиту доксографическим материалом и дошедшими до нас фрагментами собственных выражений Гераклита" [15,с.377]. Большой проблемой при этом остаётся различение оригиналов и пересказов текстов Гераклита его потомками. Нужно учитывать, что любой пересказ является интерпретацией, а она не всегда может быть адекватной.

Пожалуй, центральной идеей Гераклита является идея совпадения противоположностей. В каких же словах выражает эту идею Гераклит и какой смысл она в себе несёт?

"Они не понимают, как расходящееся согласуется с собою: [оно есть] натяжная [противостремительная - palintropos] гармония. Подобно тому, что наблюдается у лука и лиры" [15,с.374].

"Расходящееся (to antidzoyn - стремящееся в разные стороны) сходится, и из различного образуется прекраснейшая гармония, и всё возникает через вражду (erin)" [15,с.374]/

Представим себе образ лука: концы тетивы удерживаются благодаря разнонаправленным силам (так же как концы струны в лире), однако благодаря этой разнонаправленности сил осуществляется сам принцип лука, состоящий в организации стремительного поражения цели. Лук является символом структуры сознания, т.е. олицетворяет собой скрытую гармонию сил человеческой души. Скрытую потому, что душа не дана чувствам. По Гераклиту же *"скрытая гармония сильнее явной"* [30, с.192]. Для понимания данной мысли Гераклита можно воспользоваться следующей ассоциацией. У китайского философа Лао-цзы есть такое выражение: "Великое совершенство похоже на изъян, а в применении - безупречно". Здесь "великое совершенство" и есть та скрытая гармония, о которой говорит Гераклит. Гармонию олицетворяет собой не только космос в целом, но и всё, что его наполняет. "Мы убеждаемся, что структурность всего сущего и есть самое главное, что Гераклит в нём находит" [15,с.391]. А структура и есть гармоничная связь составляющих систему элементов.

Термин "структура сознания" был введён в философский концептуальный аппарат М.К.Мамардашвили. Разъясняя смысл этого понятия, Мамардашвили употребляет в качестве синонимов такие термины, как "упорядоченный объект", "онтологическая абстракция порядка", "живой объект, растущий минимальными приращениями". Человек участвует в жизни структур, давая силам большим, чем он сам, действовать через него. В этом случае можно говорить о проработке психики сознанием. наличие структуры сознания предполагает, что чувства и силы человеческой души в этом случае гармонично координируются между собой, будучи предельно развиты. Не случайно Гераклит утверждает, что *"Глаза и уши - плохие свидетели для людей, имеющих грубые души"*[30, с.193]. В то же время сам Герак-

лит "предпочитает (ценит выше всего) то, что доступно зрению, слуху и изучению" [30,с.191]. Предельность и согласованность как две важнейшие характеристики человеческих способностей сквозной нитью проходят через всю работу И.Канта "Критика способности суждения". Но основа для такого мыслительного хода заложена Гераклитом, его идеей "скрытой гармонии". А гераклитовский "логос", несомненно, символ той сверхчеловеческой силы, благодаря которой человек только и становится человеком.

"Эту-вот Речь (Логос) сущую вечно люди не понимают и прежде, чем выслушать [её], и выслушав однажды. Ибо, хотя все [люди] сталкиваются напрямую с этой-вот Речью (Логосом), они подобны незнающим [её], даром что узнают на опыте [точно] такие слова и вещи, какие описываю я, разделяя [их] согласно природе [=истинной реальности] и высказывая [их] так, как они есть. Что же касается остальных людей, то они не осознают того, что делают наяву, подобно тому как этого не помнят спящие" [30,с.189].

"Выслушав не мою, но эту вот Речь (Логос), должно признать: мудрость в том, чтобы знать всё как одно" [30, с.199].

Слово "логос" в переводе с греческого имеет два значения - "слово" и "мысль" (здесь нужно иметь в виду, что именно слово является наиболее прозрачным воплощением мысли). Для Гераклита же "логос" - это и ум, и мера, и порядок, и закон, и гармония, и единое. Гераклитовский Логос "...в одинаковой степени есть и божественное существо, и мировое целое; идеальная форма и физическая стихия" [15,с.394]. Выступая символом скрытой от "варварских душ" гармонии, Логос не противопоставлен материи, а наоборот, в ней-то и находит своё реальное осуществление. И действительно, человек не способен участвовать в жизни структуры сознания, не придав структуре материального облика. Гераклит выражает эту мысль следующим образом: *"Мудрость заключается в одном: познавать мысль как то, что правит всем через всё"* [цит.по: 15,с.390]. " Гераклит вовсе не хочет сказать, что "единое мудрое" управляет чем-то другим, что не есть оно само. Это "мудрое", правда, в известном смысле "отрешено от всего". (*"Мудрое ото всех обособлено"*)[30, с.239]. *Всё и мудрое - разные стороны одного и того же"* [15,с.390]. Мысли нет без её материального осуществления, однако мысль не сводима к последнему. Аристотель, развивая эту идею, впоследствии скажет -"души нет без тела. но душа - не тело".

Общее мнение многих исследователей Гераклита сводится к тому, что он учил в основном о становлении, о текучести, изменчивости вещей. Учение Гераклита тем самым противопоставляется учению элеатов (Парменид, Зенон). Элеаты отрицают движение, а у Гераклита наоборот, всё движется. И в подтверждение сказанному приводится знаменитое высказывание Гераклита "В одну и ту же реку нельзя войти дважды". Учитывая трудность определения истинного выражения этой мысли (Аристотель использует пересказ Кратила), следует, однако, указать на абсурдность противопоставления идей Гераклита и Парменида. Согласно интерпретации Мамардашвили, и Гераклит, и Парменид говорят о запрете на удвоение времени, подчёркивают его необратимость. Река - символ жизни во времени. Поэтому мы уже всегда "в реке", и от нас зависит - станем ли мы достойны своей судьбы (то есть, станем ли мы свободны, осуществим ли бытие, которое уже здесь,

пред нашим носом и действует на нас). Мы, однако, можем притворяться, что его будто бы и нет, что усилие духовной трансформации можно отложить на завтра, и.т.д. Но время всё же необратимо. Это значит, что трусливый поступок в определённой ситуации нельзя уже заменить актом мужества. "Мгновенья раздают кому позор, кому - бесславие, а кому - бессмертие". То, что не получилось, уже есть упускание бытия, - и это момент смерти внутри жизни человека. Возможность осуществления бытия в каждый момент жизни единственна и неповторима. Следовательно, не бывает одной и той же возможности дважды. Это нужно понимать и помнить.

Возвращаясь к вопросу о мнимом противоречии учений Гераклита и Парменида, отметим следующее: если Парменид говорит о неизменности и неподвижности бытия, то Гераклит указывает на изменчивость сущего (т.е. всего того, что дано нам посредством органов чувств. По мнению Лосева, хотя "идея о становлении, текучести и изменчивости у Гераклита есть, она дана слабее, чем идея постоянства и закономерной общности" [15,с.400]. "Гераклит всячески подчёркивает пребывание в смене, постоянство в изменении, тождество в перемене, меру в становлении, меру в становлении, единство в раздвоении, вечность в преходящем" [15,с. 396]. Иными словами, движение всегда относительно. Всеобщее течение есть как такое есть только на фоне "неизменяемой божественно-мировой сущности. Бог - то неизменное, что остаётся во всех изменчивых явлениях" [15,с.397].

Видеть, осознавать это неизменное единство способна упорядоченная, просветлённая умом душа - душа, соединившаяся с Богом, с мировым Логосом, душа, подобная огню. Видение Одного означает здесь извлечение смысла, ухватывание закономерности явлений, единого принципа, лежащего в основе изменчивости сущего.

"Путь вверх и путь вниз - один и тот же"[30, с.204].

"Бессмертные смертны, смертные бессмертны. Жизнь одних есть смерть других, смерть одних есть жизнь других"[30, с.215].

"Учитель большинства -Гесиод: про него думают, что он очень много знает - про того, кто не знал даже дня и ночи! Ведь они суть одно"[30, с.214].

Человек, не способный прикоснуться к божественному Логосу, т.е., человек. мир чувств которого находится в хаотическом состоянии, просто не в состоянии во множественности сущего увидеть проявления Единого. Так, день и ночь для Гераклита суть проявления деятельности Солнца, которое, в свою очередь, *"не преступит положенных границ, а не то его разыщут Эринии, союзницы Правды"*. *"Солнце -блюститель и страж времён, оно определяет, руководит, выявляет перемены и времена года"*[30, с.224]. Имея на вооружении научное объяснение смены дня и ночи, стоит удивиться использованию метода индукции 26 веков назад.

А.Ф.Лосев делает следующий вывод: "Все они - и элейцы, и милетцы, и Гераклит - учат о всеобщем становлении вещей, о всеобщей непрерывности и о сплошном континууме, в котором тонут отдельные вещи и категории. Но элейцы выдвинули на первый план самое понятие непрерывности, или континуума, оставивши раздельную и подвижную множественность вещей на второй план, поскольку она оказалась у них предметом только чувственного ощущения, но никак не познания путём разума. Милетцы тоже признают всеобщий континуум, но они конст-

руируют его путём непрерывного перехода одних элементов материи в другие. У них, таким образом, материал в своих элементах фиксируется уже более определённо, хотя и взаимное превращение в одном непрерывном потоке остаётся незыблемым. Гераклит идёт ещё дальше в выдвигании на первый план отдельных изолированных вещей. Это уже не просто элементы вещей, а самые вещи. И тем не менее все эти вещи, при всех их взаимных различиях, всё же необходимо вечно и непрерывно переходят у него одна в другую, так что общий космический континуум всё равно остаётся незыблемым"[15,с.372].

Во многих выражениях Гераклита присутствует образ огня. Огню Гераклит уподобляет космос: *"Этот порядок, один и тот же для всех вещей, не сотворён никем из богов, и никем из людей, но всегда был, есть и будет вечным живым огнём, мерами возгорающим и мерами затухающим"*[30, с.217]. Огонь является символом жизни человека в Едином. Идея превращения благодаря уму "всего чувственного, ползучего, неустойчивого, разливающегося в светлую мысль" [15, с.394], метафорически выражена у Гераклита образом возгорания огня, поскольку огонь у Гераклита "насквозь ум и смысл" [15,с.394]. Затухание же огня - это погружение человека в небытие, в хаос чувственного начала. Так у Гераклита образование мира связано с недостатком огня (мир - детище нужды и вечной неудовлетворённости" [15,с.419], мир тем самым символизирует материю, покинутую духом. Вспомним указание Гераклита на невосприимчивость людей к Логосу. *"Лучшие люди предпочитают одно всему: вечную славу бранным вещам, а большинство обжираются как скоты"*[30, с.244]. Исчезновение мира в мировом пожаре - это возврат огня "к своей полной и бесконечной силе". По Гераклиту, *"сухая душа -мудрейшая и наилучшая"*[30, с.231]; *"душам смерть - воды рожденье"*[30, с.229]..

Так же как динамичен огонь, так же динамична и душа человека: *"Душе присуща самовозрастающая мера"*. От чего же зависит то или иное состояние души? Ответ Гераклита таков: от самого человека, от того, способен ли он выдержать полемос (схватку, войну): *" Война (полемос) - отец всего, мать всего. Она сделала одних богатыми, других -людьми, одних -рабами, других -свободными"*[30, с.202]. Логос, божественный ум есть всепроникающая стихия. Нужно только уметь опираться на него, не быть с ним в разладе. *"Кто намерен говорить с умом, те должны крепко опираться на общее"*. *"Здравый рассудок -у всех общий"*. Бытие держится на усиллии человек - вот, пожалуй, одна из главных мыслей Гераклита.

Не следует путать два греческих слова эрин (вражда) и полемос (схватка). Erin у Гераклита употребляется в смысле противонаправленности природных сил, полемос же имеет оттенок битвы хаоса и порядка, стойкого вертикального стояния человека посреди горизонтали, уходящей в дурную бесконечность. Полемос, по Гераклиту, выдерживает только герой и только в полемосе, т.е. при совершении усилия, в бытии человека осуществляется Бытие или божественный Логос.

"Один мне тьма - если он наилучший".

Пифагор (580-500 гг. до н.э.) и пифагорейцы

Основной тезис Пифагора и его последователей: "Всё есть число". Однако то, что они понимали под "числом", радикально отличается от понятия числа в современной математике. С современных позиций, число есть абстрактное выражение некоторого количества элементов множества, являющегося дискретным или непрерывным. В этом смысле различия между числами - имеют лишь количественный характер, а все одинаковые числа неотличимы друг от друга.

По Пифагору же число есть некий хотя и формальный принцип бытия вещи, однако само понятие числа не отрывается от источника своего происхождения - конкретных вещей окружающего нас мира. В понятийной оформленности числа явно выражена в этом смысле та исходная интуиция, которая послужила основой появления данного понятия.

"Число" у Пифагора в его арифметическом аспекте неотделимо от геометрического и физического аспектов. В этом смысле каждое число обретает свой индивидуальный и неповторимый лик. Даже в современности мы различаем числа по количеству, выделяем такие классы чисел, как чётные и нечётные числа, а среди нечётных - простые. С точки зрения же Пифагора, каждое число имеет своё особое фигурное строение – так что, например, одному и тому же числу может соответствовать разное структурное расположение элементов внутри этого числа. Существуют «треугольные», «прямоугольные», «пятиугольные» и т.п. «числа».

"Геометризм" числа - это число, взятое с учётом особенностей его внутреннего строения. Внутреннее строение числа определяется, во-первых, разложением его на множители и, во-вторых, представлением его в виде суммы чисел. В теории чисел существует недоказанная до сих пор **теорема Гольдбаха**, согласно которой *любое чётное число может быть представлено в виде суммы двух простых чисел*. Трудность этой теоремы не в последнюю очередь связана с тем, что аддитивные свойства чисел (связанные с операцией сложения) рассматриваются как функция от их мультипликативных свойств (связанных с операцией умножения - поскольку именно через эту операцию определяются простые числа).

С "геометрических" позиций мы имеем вопрос о том, возможно ли любой "прямоугольник" $m \cdot n$ представить в виде двух "линейных" частей, каждая из которых уже не допускает представления в виде прямоугольника. Если введение нового измерения рассматривать как переход к новому качеству, то утверждение теоремы равносильно утверждению о внутренне количественной характеристике любого качества, в силу чего оказывается возможным плоскостной объект представить в виде связи линейных элементов. Т.е., что качество, относящееся к целостному объекту, можно представить в виде структурной взаимосвязи двух основных его качеств, относящихся уже к частям этого целого, каждая из которых имеет внутренне целостный характер. Математически эта идея выражена у пифагорейцев в виде так называемого "золотого сечения". Подобного же рода положение мы видим и в идее атома у Демокрита.

Допустим, что теорема верна, т.е. что для $\forall n \exists$ простые числа p_k и p_l такие, что $2n = p_k + p_l$. Тогда $p_k + 1 = 2t = p_r + p_s$, $p_l - 1 = p_m + p_t$, $2n = p_r + p_s + p_m + p_t$, и т.д.

Таким образом, мы видим, что любое число натурального ряда, составленного из тождественных друг другу единиц, разбивается на простейшие, далее неделимые составляющие элементы - атомы, обладающие уникальностью - простые числа. Уточнение структуры содержательно может быть описано как переход от общих характеристик бытия любой вещи как Единого к уникальной и неповторимой специфике бытия данной вещи. И в этой идее мы также видим сходство с идеей атома.

Кроме того, число неотделимо также и от той вещи, которая послужила основой исходной интуиции данного числа. В этом смысле строение элементов данного числа отражает структурное устройство бытия вещи, т.е. структуру её сущности, а не внешне наблюдаемую нами её форму.

Фигурное строение числа выражает не связь отдельных частей того тела, к которому относится данное число, а связь его наиболее важных, существенных качеств. Это структура бытия вещи, а не структура видимого облика вещи. Идея разделения целого на части, каждая из которых выражает, в свою очередь, цельное качество, выражается принципом золотого сечения: целое так относится к своей большей части, как эта большая часть относится к меньшей части: $x/a = a/(x-a)$.

В этом смысле большая часть оказывается подобной целому и в силу этого подобия свойство цельности переносится и на неё. Арифметически данное отношение выражается в приближённом виде отношением двух следующих друг за другом чисел Фибоначчи, причём предел этого отношения с увеличением n точно равен "золотому сечению": $\lim u_n/u_{n+1} = \alpha$.

Два соседних числа Фибоначчи в то же время взаимно просты, т.е. не имеют общих делителей. Однако сами эти числа могут иметь делители. Когда мы утверждаем, что любое чётное число может быть составлено из суммы двух простых чисел, мы выдвигаем более сильное требование - что должны быть взаимно просты не только эти числа, в сумме дающие нам исходное чётное число, но и что сами эти числа должны быть таковы, что любые два числа, дающие нам в сумме либо первое, либо второе числа, должны быть взаимно просты. То есть, что каждая из разделённых частей исходного целого может быть разложима только на сумму взаимно простых чисел. А это как раз и означает, что каждая из разделённых частей должна быть простым числом.

Здесь мы видим различные типы пропорционального отношения, т.е. гармонии. Простейший случай - когда целое делится на две равные части. Более сложный - когда это целое делится по принципу "золотого сечения". Ещё более тонким видом гармонии выступает разделение целого на два простых числа. В последнем случае мы имеем в полной мере целостности - неделимые и уникальные единства, атомы - которые вместе и составляют исходное целое и характеризуют в то же время его единственность. Дальнейшие ограничения на разделённые части уже не имеют смысла, поскольку мы уже пришли к неделимым "атомам" в результате такого разделения.

В самом деле, в совокупности эти части дают нам магическое число 7 - которое как раз и характеризует структуру взаимосвязи бытия целого и основных его качеств. Не случайно у Платона как одного из ярчайших последователей пифагореизма число жителей идеального государства равно $N=5040=7!$ Ведь идея внут-

ренной структуры как раз и выражается числом всех перестановок $A_n = n!$ данных n элементов, - при сохранении тождества самой геометрической структуры. Это число в то же время выражает сумму всевозможных сумм, - которые дают нам исходное число как целостное образование. Но идея этой суммы выражается посредством введения определителя.

Таким образом, пифагорейская идея фигурного устройства числа реализуется в современной математике в теории матриц и определителей. В свою очередь, теория матриц составляет часть теории групп, которая выступает в математике способом концептуализации идеи симметрии. В применении к физике элементарных частиц данная проблема рассматривается как проблема получения нелинейного волнового уравнения для операторов поля. Это волновое уравнение эквивалентно системе интегральных уравнений. Собственные решения этих уравнений как раз и представляют собой элементарные частицы. "Следовательно, они суть математические формы, которые заменяют правильные тела пифагорейцев". Что интересно, собственные решения, например, дифференциального уравнения натянутой струны приводят к числам, выражающим гармонические колебания струны у пифагорейцев.

Строго говоря, уравнение поля есть математическое представление целого класса типов симметрии. В современной физике, кроме того, выявляются симметрии, связанные с пространством и временем и которые выражаются в теоретико-групповых свойствах основного уравнения. Например, это группа Лоренца, играющая важную роль в теории относительности. Имеются и другие группы, выражающие, например, квантовые числа элементарных частиц. Удивительным является тот факт, что различные аспекты симметрии, которые выражаются в групповой структуре уравнения поля, очень точно соответствуют экспериментально наблюдаемым свойствам элементарных частиц.

Как указывает в связи с этим В.Гейзенберг, "современная физика идёт вперёд по тому же пути, по которому шли Платон и пифагорейцы. Это развитие физики выглядит так, словно в конце его будет установлена очень простая формулировка закона природы, такая простая, какой её надеялся увидеть ещё Платон. Трудно указать какое-нибудь прочное основание для этой надежды на простоту, помимо того факта, что до сих пор основные уравнения физики записывались простыми математическими формулами. Подобный факт согласуется с религией пифагорейцев, и многие физики в этом отношении разделяют их веру, однако до сих пор ещё никто не дал действительно убедительного доказательства, что это должно быть именно так" [9, с.37].

Натуральные числа, как говорит А.Ф.Лосев, «суть последовательные потенцирования момента растекающейся множественности». То есть, по представлениям пифагорейцев, существует индивидуальность, смысловая уникальность и несводимость друг к другу любого из членов натурального ряда. Каждый его член есть своего рода «атом» в смысле Демокрита. Каждое новое число натурального ряда образуется не просто механическим приплюсовыванием очередной единицы, но оно есть совершенно новая цельность со своим неповторимым ликом.

Единица есть Космос в целом, а множественность чисел выражают иерархичность его строения, вплоть до отдельных вещей и их частей. Основание бытия

Космоса – первоначало для всех существующих вещей. Число характеризует не просто видимый облик вещей, это гармонии, которые пронизывают собой весь Космос и каждую отдельную вещь в нём.

Число есть соединение предела и беспредельного. Т.е., вещь как бы вырезает себя на фоне бесконечности, образуя тем самым особенную и неповторимую совокупность качеств. Идея числа изначально предполагает идею замкнутого в себе цельного качества. Каждое число есть своего рода преодоленная и преобразованная бесконечность, бесконечность, схваченная и удержанная в конечной форме. Принцип количественного изменения выражает лишь один, самый схематичный и абстрактный вид различия. Отличие одного качества от другого - следующий вид различия. Каждый новый вид различия является более тонким, чем предыдущий. Например, если добро и зло с точки зрения логики - равноправные противоположности, то с позиций этики мы имеем здесь асимметрию.

Аналогично этому в физике мы открываем всё более сложные и тонкие виды симметрии. Теория групп есть чисто математический способ определения инвариантов - величин, остающимися постоянными при различного рода преобразованиях группы. А это значит, что такой объект в какой-то мере оказывается независимым от выбора соответствующей теоретической схемы или способа описания (например, от выбора системы координат). Таким образом, внутри самой математики возникают способы определения истинности её утверждений, принципы отбора среди возможных решений тех, которые соответствуют действительности. В.Гейзенберг утверждает, в частности, что современная теоретическая физика фактически стоит на идеях своеобразного платонизма. "Платон, - говорил В.Гейзенберг, - воспринял существенные элементы учения об атомах. Четырём элементам - земле, воде, воздуху и огню - у него соответствовали четыре вида мельчайших частиц. Эти элементарные частицы являлись, по Платону, основными математическими структурами высшей симметрии. Мельчайшие частицы элемента земли изображались у него кубами, элемента воды - икосаэдрами, элемента воздуха - октаэдрами и, наконец, мельчайшие частицы элементы огня представлялись в форме тетраэдров. Но эти элементарные частицы не были, по Платону, неделимыми. Они могли разлагаться на треугольники и вновь создаваться из них. Так, например, из двух элементарных частиц воздуха и из одной элементарной частицы огня строилась элементарная частица воды. Сами треугольники не являлись материей, они были только математической формой. Следовательно, у Платона элементарные частицы не являлись просто чем-то данным, неизменным и неделимым; они требовали ещё объяснения, и вопрос об элементарных частицах сводился Платоном к математике... Последней основой явлений была не материя, а математический закон, симметрия, математическая форма" [9, с.371].

Например, если с позиций одного типа симметрии мы имеем тождественность и неразличимость, то с позиций симметрии более тонкой и глубокой мы получаем неравноправие - и тем самым в наших руках оказывается искомый принцип отбора: правильными, т.е. соответствующими действительности, выступают решения, отвечающие симметрии более фундаментального типа. Математика в этом смысле оказывается не просто языком описания реальности или методом, используемым для её познания, который безразличен к характеру познаваемых объектов.

Она имеет онтологическое содержание. Число - не только характеристика определённых вещей, но и внутренняя характеристика подобным же образом устроенной человеческой души.

Но это внутреннее устройство душа приобретает под воздействием гармоний, пронизывающих собою весь мир. Как говорит Платон, "поскольку же день и ночь, круговороты месяцев и годов, равноденствия и солнцестояния зримы, глаза открыли нам число, дали понятие о времени и побудили исследовать природу вселенной, чтобы мы, наблюдая круговращение ума в небе, извлекли пользу для круговращения нашего мышления" [22, с.242]. Именно в силу единства человека и мира основания познания и основания бытия оказываются неразделимы. Исходная пифагорейская идея симметрии как критерия истины тем самым есть фактически конкретизация идеи взаимосвязи всех явлений мира и существования некоторых единых универсальных принципов, связывающих эти явления в гармоничный Космос. Принципы симметрии возникают как результат прояснения исходных чувственных интуиций истины. И потому одно лишь прояснение используемых нами математических идей позволяет получить описание действительного, а не только возможного мира.

Показателен тот факт, что принцип золотого сечения может быть положен в основу так называемой иррациональной системы счисления - т.е., что любое натуральное число может представлено в виде суммы конечного числа целых степеней числа α . Например, $2 = \alpha^1 + \alpha^{-2}$, $5 = \alpha^3 + \alpha^{-1} + \alpha^{-4}$.

То есть, мы получаем иррациональное основание натурального ряда. Однако иррациональное число - это не чистый хаос как отсутствие порядка. Это просто очень сложный порядок. Например, формула $\sqrt{2}$ сразу задаёт правило для получения всех цифр числа в его десятичном разложении. То же самое верно и для трансцендентных чисел. Не зря число π , выражающее идею окружности, наделялось божественными свойствами, а мир в целом понимался как шар, в максимальной степени выражавший идею совершенства.

Итак, с одной стороны, мы видим идею различных степеней и способов выражения самой идеи Различия, а с другой - идею синтеза разнородного. Сложение - это простейший вид соединения, синтез двух целостностей - в пределах одного измерения, одного качества. Умножение выражает уже идею синтеза отдельных качеств. Можно говорить также и о соединении духовного и телесного вообще - как в бытии человека, так и в бытии мира. Наконец, идея единства человека и мира выражает идею синтеза максимально разнородного. Всеобщее различие и всеобщий синтез - вот наиболее полное выражение пифагорейской идеи Числа.

В этом смысле пифагорейская идея качественной несводимости одного числа к другому задаёт границы любой возможной математики, устанавливает недостижимый для математики предел её развития и изменения, связанный с выделением индивидуальных характеристик каждого числа, а также с углублением самого понимания того, что есть число. Именно в этом и состоит её непреходящее значение и вечная актуальность.

Пифагореизм являет нам замечательный пример закона, согласно которому "крайности сходятся". С одной стороны, идея "числа" выражает предельную рационализацию чувственных впечатлений. С другой - само учение является наслед-

ником дионисийских мистерий, представляющих собой магически-религиозный способ "очищения" человека, освобождая его от культурного начала и возвращения в лоно природной стихии. В дионисийских мистериях менады с флейтами и тампанами убегали далеко в леса и горы, чтобы там в состоянии исступления и экстаза воочию встретиться с самим Дионисом. Не следует при этом путать менадизм с намного более поздними по времени римскими вакханалиями, связанными с опьянением и половым разгулом. Менады посредством своего рода "коллективного транса" достигали непосредственного единства с божеством.

В орфических мистериях, являющихся преемником дионисийских, человеческая личность находит свое глубочайшее выражение уже не в единении с природой, а в обнаружении в себе самой божественной сущности. Это "надличностное" начало, достигаемое очищением чувственной природы человека, выступало подготовкой к будущему теоретически-рациональному видению мира. Пифагореизм в этом смысле был не только философским течением, но и религиозной сектой со строгими правилами относительно поведения, еды и т.д. И отказ от чувственных удовольствий, и интеллектуальные упражнения пифагорейцев служили одной цели – совершенствованию души. Душа понималась при этом как противоречивое единство чувств и разума, а музыка – как наилучший способ восстановления душевной гармонии, – поскольку гармоничная мелодия есть отражение той гармонии небесных сфер, которой подчиняется все мироздание. Таким образом, рационализм «числа» у пифагорейцев не означал исключения чувственного начала, – но именно перевод последнего на качественно более высокий уровень духовных состояний.

Демокрит (460-370 гг. до н.э.)

В качестве фюсиса у Демокрита выступает атом. "Атом" в буквальном переводе с древнегреческого означает – "неделимый". Когда это понятие используется современным человеком, то он понимает его обычно в двух различных смыслах – во-первых, как вполне конкретный физический объект, определяющий тип вещества, и, во-вторых, как идею существования фундаментальных элементарных составляющих вещи, далее которых вещь уже не делится. В этом смысле и говорят, что именно современные элементарные частицы играют роль демокритовских фундаментальных "кирпичиков материи".

Однако понятие атома у Демокрита гораздо более глубокое. Философское понятие содержит всегда целый спектр возможных смыслов, и история мысли обычно выбирает лишь один или несколько значений из исходного смыслового богатства этого понятия. Научное понимание атома, в частности, пользуется весьма урезанным и обеднённым смыслом исходной философской идеи, высказанной Демокритом. Атом есть фюсис, а фюсис есть выражение идеи космоса. Космос же в античности – это всегда целое. Фюсис и есть выражение принципа целостности и единства как мира в целом, так и каждой отдельной вещи. Поэтому атом в любом случае не может иметь значение чего-то частичного.

Атом у Демокрита - есть вещь, взятая именно как целое, в одном из своих качественных проявлений как целого. Неделимость же атома - просто указание на предел, до которого можно делить вещь без изменения соответствующего качества. Например, человека как биологическое существо, т.е., в качестве животного, можно разделить на клетки, при сохранении свойства жизни. Если же речь идёт о способности человека быть разумным существом, или о способности читать, или написать картину, т.е. о специфически человеческих способностях - то в этом случае данная способность относится ко всему человеку (например, в чтении участвует не только зрительное восприятие, но и память, и мышление, и т.д.). Разные части вещи при этом по-разному относятся к рассматриваемому качеству. Например, при потере руки можно остаться живым. Без сердца же нет и жизни.

Существуют, следовательно, такие аспекты, элементы вещи, которые наиболее явно выражают данное качество вещи как целого. Атом и есть такая часть, структурный элемент вещи, который является представителем, заместителем вещи в её целом. Атомы характеризуют специфику структурно-числовой организованности целого. Идея атома есть способ раскрытия внутренней структуры вещи как мини-космоса. В устройстве мира существуют особого рода вещи - символы - которые являются представителем всего космоса, поскольку в своей внутренне гармоничной организации отражают ту гармонию, которой обладает весь мир. Именно в этом смысле данная вещь выражает принцип понимания всех остальных вещей. Атом тогда есть такой аспект или элемент вещи, через который осуществляется доступ к бытию всей вещи, своего рода такой явленный аспект вещи, который непосредственно выражает её сущность. То есть, атом есть указание на символический аспект вещи, который является основанием постижения сущности вещи с учётом специфики её бытия.

Атомы - основание целостности данной конкретной вещи. Если Парменид выделил общие характеристики бытия любой вещи, то Демокрит раскрывает вещь в специфике её бытия. Другими словами, Демокрит выдвигает идею уникального и неповторимого характера любого бытия. При обращении к бытию человека характеристика уникальности бытия проступает в более явном виде, но в принципе этой особенностью обладает любая существующая вещь. Поэтому, скажем, физика, которая принимает положение о неразличимости объектов относительно действия данного закона, в действительности урезает исходную полноту свойств, которыми обладает данная вещь. Идея научного закона есть абстракция от идеи судьбы, а идея судьбы есть обезличенное выражение идеи Божественной Необходимости, являющейся силой надличностного характера.

Первоначало у досократиков – не только основание бытия вещей, но и условие правильности их познания. Парменид выделил лишь общие условия постижения истины любых явлений – в виде указания характеристик такого состояния человека, находясь в котором, он способен непосредственно воспринять сущность исследуемых им явлений. Демокрит же в своей идее атома открыл способ постигать сущность явлений не через внешний им символ, а через них самих – посредством выделения их собственного символического аспекта.

Каждая вещь в себе самой носит основание своего бытия, определяя для себя тот внутренний закон, которому подчиняется её поведение. Наложение внешних

условий на её поведение приводит лишь к более или менее полному совпадению внешнего и внутреннего законов. Однако это совпадение будет иметь случайный характер до тех пор, пока в деле построения соответствующей теоретической научной модели мы будем опираться на собственные измышления и случайные догадки, а не будем опираться на то, что нам вещи говорят о себе сами, показывая свою сущность в неприкрытом и обнажённом виде.

В этом смысле у Демокрита очень точно показано соотношение необходимости и свободы, - а именно, что свобода не есть простой произвол. Законы для Космоса в целом имеют необходимый характер, - однако каждый атом в нём - свободен, - поскольку подчинён своему собственному внутреннему закону. Поэтому более позднее учение Эпикура о самопроизвольном отклонении атомов от первоначально выбранного направления пути неявно уже заключено в представлениях ранних атомистов - поскольку сам атом уже есть своего рода "отклонение от пустоты": он независим от внешнего закона, который в пустоте не встречает препятствий для своего осуществления. Позднее И. Кант, выдвигая принцип морального закона как условия свободы, опирается именно на эту идею в рассмотрении вопроса о том, как возможна свобода человека в мире природной необходимости.

Совокупность атомов - это и есть совокупность свойств, характеризующих сущность данной вещи, т.е. данную вещь в специфике её бытия. По Демокриту, не существующая, наблюдаемая нами вещь состоит из атомов, а бытие вещи. Качество как таковое имеет целостный характер. Оно не является результатом простого сложения, суммы отдельных элементов, но имеет особую внутреннюю организацию. Качество обычно понимается как некое нерасчленённое, содержательно определённое целое. Но нерасчленённость качества не имеет бытийного характера, это просто степень нашего незнания внутреннего устройства данного качества. Структура качества, выражающего результат чувственного схватывания отдельного аспекта целостной вещи, имеющего, в свою очередь, целостный и неделимый характер, всегда в принципе может быть выявлена и прояснена светом разума. Познание, собственно, и есть не что иное, как последовательное прояснение нашей интуиции, чувства истины. От целостного бытия данной вещи мы последовательно переходим к целостностям низших порядков, с сохранением и удержанием интуиции, относящейся к целому.

Структура сочленения атомов между собой - есть структура не отдельных материальных элементов вещи, а структура её сущности. Но сущностная структура вещи и внешне наблюдаемая поверхностная её структура необходимым образом взаимосвязаны друг с другом. Поэтому то, что мы называем сущностью данной вещи, которую выражаем в её понятии, всегда в самой вещи выражено её чисто предметной организацией, в принципе доступной внешнему наблюдению и выявлению. В любой вещи всегда присутствует такая её часть, которая по своей предметной организации идентична сущностной структуре этой вещи. Демокрит, таким образом, принципиально не различает дух и материю. Дух для него - та же самая материя, только особым образом организованная. Идеальное и есть, собственно, структура - но не всякая, а та, которая выражает соотношение рассматриваемого предмета со всем остальным миром и именно по этой причине могущая выступить в качестве критерия правильности выделения нами сущности данной вещи. Любая

вещь, таким образом, обладает свойством открытости по отношению ко всему остальному миру. Относительно любой вещи можно найти тот единый принцип, который определяет отдельные аспекты вещи и который, по сути, представляет собой отношение бытия данной вещи к бытию всего остального мира, мира в его целом.

В переносе на произведение искусства – это та главная идея, в свете которой раскрывается необходимость и смысл каждой отдельной детали в этом произведении. Тогда с позиций теории атомов Демокрита любое истинное произведение искусства в себе самом содержит ключ к правильному его пониманию. В любом литературном произведении, например, есть такой отдельный кусок, часть этого произведения, который собирает отдельные элементы повествования в цельность и единство, явно указывая на взаимосвязь кусков текста, - иногда даже весьма далеко отстоящих друг от друга в самом тексте. Это своего рода пуанта, ключевой момент, кульминация всего произведения, иногда называемая «моментом истины».

В «Гамлете» В.Шекспира, например, таким кульминационным моментом выступает сцена в 4-м акте, которая называется «Мышеловка». В этой сцене Гамлет заставляет нанятых им актёров проиграть пьесу, которая в своих основных моментах является воспроизведением самого «Гамлета». Именно благодаря этому он раскрывает истину о смерти отца – короля Клавдия - что его убил родной дядя Гамлета, подсыпав ему яд в ухо. В этой своего рода «пьесе в пьесе» раскрывается причина того, что Гамлет медлит с мезтью за смерть отца – хотя ещё в самом начале пьесы он узнаёт истину от Призрака – духа умершего отца.

Атомисты вовсе не отрицают идею парменидовского Единого Бытия: «они, попросту говоря, разбили Единое на бесконечное количество неделимых частиц, но оставили за ними все те свойства неделимости, неразрушимости, бескачественности и внутренней неподвижности, которые Парменид приписывал своему Единому.» [15,с.495]. Атом - это конкретное единство, не просто целостность как таковая, а именно данный определённый вид целого. Своей идеей Единого Парменид фактически выдвинул условие необходимости организации нашего психического состояния в некую цельность и единство, достижение внутренне упорядоченного и гармоничного состояния для того, чтобы человеку вообще могла открыться истина. Идея атома у Демокрита позволяет специфицировать состояние, находясь в котором человек оказывается способен постигать сущность вещей, с учётом специфики познаваемого им объекта. Только воспроизведя в себе ту гармонию, которая подобна внутренней гармонии, присущей данной вещи, можно достичь адекватного её познания.

"Если атомы непознаваемы для чувственного восприятия, а познаваемы только для разума, то ведь атомы... вовсе не отделены непроходимой пропастью от обыкновенных чувственных вещей. Мы знаем, что из атомов истекают их образы, более или менее приблизительно их выражающие, так что эти образы как раз и заполняют собою пропасть между атомами и чувственными вещами, а также между разумным и чувственным восприятием. На этом основании чувственные явления трактовались у Демокрита именно как истина и даже прямо отождествлялись с тем, что познаётся разумом" [15,с.488].

"...принцип индивидуальной множественности привёл Демокрита к иной космогонической картине, чем та, которая обнаруживается у других досократиков.

А именно, Демокрит подчеркнул *хаотичность и случайность* всех возникновений и уничтожений в мире. Однако поскольку в мировом хаосе есть свой "хаос" и свой разум, своя упорядоченность, а именно, разум и упорядоченность хаоса, то Демокрит создал небывалую ещё картину мирового хаоса, упорядоченного как раз в виде хаоса, без превращения его в стройность и порядок. Это картина того единственно возможного порядка, на который только способен хаос. Это - картина мирового космогонического *бытия атомов*. В безудержной и бесцельной мировой игре, без начала и смысла, наивно и дико носятся в безднах мировой пустоты беспричинные и бесцельные, неизвестно откуда и куда несущиеся вихри, создавая из себя мимоходом и ненароком миры и тут же их разрушая в своей вечной смеющейся беспринципности. Что за причина этих вихрей и почему в них происходит то, а не эти сцепления атомов, т.е. те, а не эти миры, - на этот вопрос нет и не может быть ответа. Но именно это, согласно Демокриту, и хорошо. Что за цель, ради чего, ради кого возникают из атомов миры и опять разрушаются? Никакой такой цели нет и никто во всём мире не может о ней сказать - ни люди, ни боги, ни сама судьба. Это безгорестное и безрадостное бытие, наивно улыбчивая и аморальная вечность, которая Гераклиту являлась в виде ребёнка, занятого своей детской игрой, есть, может быть, лучшее создание эллинской классической мысли. И тут мы отчётливо ощущаем мраморные извивы случайно возникшего античного космоса, прекрасного именно потому, что случайного. Тонкая улыбка и затаённая печаль Геры Фарнезе, знающей всё, но перед лицом мировых катастроф спокойной, - вот что такое эстетическое мировоззрение Демокрита в целом" [15, с. 493].

Идея демокритовского атома непосредственно соприкасается с пифагорейской идеей числа. Согласно Диогену Лаэртию, Демокрит был "ревностным последователем пифагорейцев", написал сочинение "Пифагор", и "как известно, всё заимствовал у него (Пифагора)".

Аристотель явно указывает, в чём заключается связь атома с числом. Сказав, что "эти философы считают основные отличия [атомов] причинами всех других свойств", он далее говорит: "А этих отличий он указывает три: *форму, порядок и положение*. Ибо бытие, по их словам, различается лишь "строением", "соприкосновением" и "поворотом"; в том числе "строй" - это форма, "соприкосновение" - порядок, "поворот" - положение. В самом деле, А отличается от В формой, АВ от ВА - порядком, N от Z - положением". Атом тем самым есть не что иное, как геометрическая фигура, а это и есть "фигурное" число пифагорейцев.

Понятие "пустоты" у атомистов вовсе не означает конечного результата абстрагирования от мира с существующими в нём отдельными телами. Пустота - это вовсе не то, что остаётся, когда из мира мы уберём все атомы. Пустота - это, во-первых, условие надления бытием не только оснований существования данной вещи, но и тех индивидуальных свойств, которые эта вещь как целостное образование имеет (эти свойства понимаются как то, чем данная вещь отличается от небытия, т.е. пустоты); во-вторых же, это условие надления бытием тех возможностей и потенций, которые имеются у любой вещи. Другими словами, это выражение возможности для вещи быть иной, а это значит, что мы имеем дело уже с чем-то живым, с тем, что в себе самом носит основание своего изменения, т.е. с основаниями свободы.

Именно поэтому у Демокрита появляется идея бесчисленного множества миров. Здесь множество миров понимается существующим не в пространственно разделённых областях, а то, что они существуют как бы "в одной точке". Каждый мир - это своего рода "возможный мир", - который оказывается действительным, если данная возможность реализуется. Вообще говоря, двойственность оснований бытия у атомистов естественным образом вытекает из их установки на спецификацию бытийных свойств вещи. Как указывает В.П.Визгин, "пустота - совершенно необходимое в логике атомизма концептуальное средство для описания множественности на уровне бытия". Аристотель также связывает понятия пустоты и множественности: "Множественности (вещей) не может быть, если нет того, что отделяет (предметы) друг от друга, т.е. если нет "отдельно существующей пустоты" (О возникновении и уничтожении I, 8, 325a 6). Идея "атома" тем самым разрешает метрический парадокс Зенона: если каждая точка на действительной оси есть своего рода "атом", то между точками-атомами тогда должны существовать пустые промежутки.

Как мы видим, понятие атома у Демокрита довольно сильно отличается от обычного представления об атоме. Почему же Резерфорд назвал "атомами" мельчайшие физические элементы тела? Если посмотреть на то, что мы называем физическими параметрами тела, то в их отношении часть вещи может обладать тем же качеством, что и целое тело. Например, хотя часть тела обладает меньшей массой, чем само тело, однако само это качество массы в равной степени принадлежит и части. То же касается и плотности, скорости, электропроводности, и т.д. Другими словами, в отношении достаточно просто устроенных объектов (которые не обладают той степенью цельности внутренней организации, которой обладают, например, живые организмы или люди, т.е. существа, способные иметь сознание) качества части могут быть идентичны свойствам целого. Поэтому для такого рода объектов именование их "атомами" вполне согласуется с тем, что понимал под атомом Демокрит - но только в простейшем частном случае.

Строго говоря, и для самих физических параметров тела существует какой-то предел деления, за которым тело приобретает качественно новые свойства. Например, сам физический атом - это не просто "вещь среди вещей", т.е. хотя и очень маленькое тело, но обладающее всеми свойствами обычной вещи, своего рода уменьшенная копия вещи. Квантовая механика, в частности, столкнулась именно с тем, что при переходе к соответствующему порядку малости мы уже не можем говорить о "траекториях" и "частицах", поскольку подобные свойства макрообъектов не имеют смысла для элементарных частиц.

В этом смысле атом может быть как малым - "атомы очень малы и невидимы глазу", так и большим - "атом может быть размером с целый мир". В действительности Демокрит хочет лишь подчеркнуть, что атом не мал и не велик, он внепространственен. Например, те новые качества реальности, которые были выявлены при переходе к квантовому уровню строения материи, фактически, принадлежат всей реальности, - просто на этом уровне данные свойства (например, дополнительность волновых и частичных свойств любого микрообъекта) проявляются наиболее явно. В частности, как указал Н.Бор, свойство дополнительности проявляется не только на квантовом, но и на классическом уровне - в виде дополнительности

механических и термодинамических свойств любого макрообъекта. Таким образом, речь идёт не о малости соответствующего атома, а о том, с каких позиций он рассматривается - т.е., в терминах Демокрита, к какому из "возможных миров" мы его относим. В данном представлении в зародыше мы видим "идею" Платона как способ фиксации той позиции, с которой мы рассматриваем данный объект, и с которой он раскрывает перед нами свою истинную сущность.

Софисты

Досократики ставили вопросы о бытии самом по себе и о самопроизвольном (свободном) его происхождении. Именно софисты впервые поставили вопрос о бытии для человека, а не просто о бытии самом по себе. "В софистах античный дух впервые обращается к самому себе, внутрь себя, рефлектирует над самим собой" [16,с.43]. Сократ, Платон и Аристотель критикуют софистов по следующим пунктам: в онтологии софиста не интересует бытие, для него всё случайно и есть лишь видимость; в логике - его интересует лишь мнение, он не ищет истины; в этике и политике - перед его взором не стоит мудрость и добродетель, но он алчет личной власти и денег; даже в литературе его стиль - не более чем напыщенность и энциклопедическая пустота.

При всём том софисты всячески нападают на философию и высмеивают её. Например, Горгий пишет "Трактат о небытии" в пику Пармениду. Парменид говорит: бытие есть, оно познаваемо и может быть выражено адекватно. Горгий же утверждает: "...ничто не существует; если же оно существует, то оно для человека непознаваемо; и, наконец, если оно познаваемо, то оно невыразимо в словах" (В3) [16, с.18]. Логика рассуждений здесь примерно такова: "*Истица*: дала я соседке кувшин на подержание, а та до сих пор не отдала. *Ответчица*: Да не брала я у неё никакого кувшина! Да и дала она мне его уже треснутым. А я его уже давно ей целёхоньким вернула".

Несмотря на весь негативизм устремлений софистов, на их стремление всё подвергать сомнению, разрушать незыблемые святыни, учение софистов несёт с собой и нечто положительное. Как указывает А.Ф.Лосев, "греческая софистика, несомненно, есть греческое Просвещение" [16, с.5]. Две особенности характеризуют античное Просвещение: во-первых, стремление сделать научные и философские достижения того времени всеобщим достоянием, т.е. расширить круг образования, и во-вторых, вскрыть субъективный источник всякого знания, перевести философскую мысль от рассмотрения природы к рассмотрению самого сознания. Греческие софисты - не просто отрицание предшествующего "космологического" этапа философии, это логически вытекающий из уже сделанного следующий шаг. В самом деле, поле ухода в заоблачные выси "первоначал" софисты вполне законно ставят вопрос о том, что это знание может дать отдельному человеку для решения тех конкретных проблем, с которыми он сталкивается ежеминутно. В софистах греческий впервые обращается к самому себе. Именно софисты впервые соотнесли абстрактное философское знание с контекстом жизни, а также начали анализировать те средства и пути, которыми философия приходит к своим истинам. В частности, греческие софисты указали на силу и слабость человеческого слова - которое мо-

жет как привести человека к истине, так и заставляет его поверить заведомой лжи; может как явиться точнейшим выражением мысли, так и оказаться совершенно пустой речью.

Первые философы - философы "фюсиса" - считали, что открывшаяся им истина сама говорит о своей истинности. Софисты впервые указали на проблемы, с которыми сталкивается любое человеческое познание в силу ограниченности человека. Тем самым, показав на отсутствие должной обоснованности утверждений предшествующих философов, они подтолкнули последующих философов, и прежде всего, Сократа, к поиску новых, более фундаментальных способов обоснования.

Сократ (470-399 гг. до н.э.)

Сократ родился в Афинах в 470/469 гг. и умер в 399 гг. до н.э., казнённый по обвинению в богохульстве, неверии и непочитании местных богов, а также в растлении молодёжи. Действительная же причина его смерти была в ином: Сократ превыше всего ценил Истину, и выступал очень резко против малейших отклонений. Он поднял нравственную планку на такую высоту, до которой никто не мог подняться. А кому же охота ясно осознавать своё несовершенство? Вот почему его очень многие и возненавидели - и аристократы, и демократы. Демократы, фактически, его и казнили.

Сократ - одно из самых загадочных явлений античного духа. Это был человек, который обрёл полную власть над собой, полностью подчинил свои чувства разуму. Когда дельфийского оракула спросили, кто из людей мудрейший, тот ответил: "Софокл - мудрец, да Еврипид мудрей его. Но мужей всех превыше мудростью Сократ". Сам же Сократ говорил: "Я знаю только то, что я ничего не знаю", иногда добавляя при этом, что другие люди не знают даже и этого. Так он говорил, потому что считал, что мудростью, т.е. полным и совершенным знанием - владеют только боги. Другие же люди очень часто заблуждаются, не подозревая об этом.

В чём же смысл утверждения Сократа о том, что он "ничего не знает"? Сократ, в действительности, утверждает ограниченность и несовершенство любого человеческого знания. Но, в то же время, он находит и нечто позитивное в ограниченности человека. В самом деле, есть ведь два рода знаний. И, вне зависимости от знания или незнания того, что случится в некотором будущем или произошло в прошлом, существует такого рода знание, которое определяет наши поступки здесь и сейчас. Одно дело - знать нечто об устройстве мира, и совсем другое - знание о том, как мне поступить в следующую минуту. Мир ведь не останавливается и не ждёт, пока мы совершим движение знания и потом, совершив это движение, предпримем что-то: что-то подумаем, решим, что-то выберем или каким-то образом поступим.

Утверждение Сократа "Я знаю, что я ничего не знаю" означает, что моё знание бесконечно мало по сравнению с тем знанием, которое я должен узнать, чтобы поступить абсолютно без всякого риска. Представим себе, например, что только через 100 лет станет известно то, что мне было важно узнать сейчас. Или - есть какая-то очень важная книга, прочитав которую, я, возможно, решу какие-то очень

важные жизненные проблемы, - но она никогда не попадёт мне в руки. Или - есть в мире такой человек, который является для меня моей недостающей половинкой, и с которым мы составили бы идеальную пару, если бы встретились, - но по иронии судьбы наши жизненные пути никогда не пересекутся. И что же - я не смогу правильно поступить, или - никогда не стану мудрым, или - никогда не смогу достичь счастья в любви?!

Так вот, оказывается, есть нечто, что у Канта получило название "формы мира", - а именно, мир в целом, представленный в своей структурно-упорядоченной организации - т.е. в таких своих элементах, которые действительно являются определяющими для моих поступков. И, зная эту форму, мы, не зная даже очень многих вещей, тем не менее уже обладаем всем знанием, которое необходимо и достаточно для того, чтобы понять, как мне поступить здесь и сейчас. "То есть, присутствие мира в целом, о котором нужно было бы знать, даёт о себе знать и даёт себя почувствовать через форму" [22,с.211].

Действительно, если мы признаём идею единства мира, то должны существовать универсальные законы - которые действуют и проявляют себя как в том знании, которое нам известно, так и в том, к которому мы в данный момент не имеем доступа. Поэтому Сократ говорит: зачем заниматься "далёким" - природным миром, звёздами, реками, - ведь в том, что нам "близко" - культуре вообще и нас самих, в частности, действуют те же универсальные законы, что и в "далёком". Отсюда и появляется у Сократа принцип: "Познай самого себя!". Поскольку познав себя, можно познать и всю Вселенную. Но нельзя правильно поступать, не имея никакого опыта совершения поступков. Как говорит И.Кант, для того чтобы правильно поступать, нужно иметь правильную идею, - но чтобы иметь правильную идею, нужно правильно поступать.

Именно наше нравственное чувство и есть не что иное, как интуиция универсального принципа. Кант говорит:

*Таинственной покрыто тьмой
То, что с нами в жизни будет,
Лишь то сознанию дано,
Что делать нам в ней подобает.*

Чувство добра - это способность выйти за рамки субъективной ограниченности и нашего животного эгоизма. Философские понятия "первоначала" (такие как, например, "огонь", "вода", "атом" и т.п.) просто фиксируют эту интуицию чётко и ясно. Это и есть своего рода знание о том, что лежит за границами нашего познания, т.е. того, что доступно нашему рассудку. Это знание о духовном опыте, являющемся фундаментальным основанием человеческого бытия и исходным началом философии. Сократ, таким образом, не рационализирует мораль, наоборот, он показывает сверхразумность нравственного чувства.

Таким образом, принцип "незнания" Сократа выражает, фактически, следующее: "я знаю нечто о том, о чём никогда не смогу узнать". А какое знание я могу иметь о том, что чисто содержательно в качестве знания мне никогда не станет доступным, в силу случайного сцепления обстоятельств нашей жизни? Только знание единого формального принципа, знание об основании наших действий, которое просто по-разному проявляется как в том, что я уже знаю, так и в том, что

мне неизвестно. В качестве данного формального принципа выступает вполне определённое отношение знакомого к незнаемому, - которое проглядывает через отношение одного знакомого к другому из того, что мы знаем. "Это отношение или пропорция, или гармония и было представлением о порядке, об упорядоченности мира. Но я хочу при это сказать, что пропорция и есть одновременно представление о формальном. Пропорция сопоставляет предметы, по содержанию никак не сопоставимые, а сопоставимые лишь в силу отношения, существующего между предметами или между свойствами этих предметов" [22, с.213].

Когда говорят, что Сократ открыл понятия, - такие, например, как "красота", "добро", "истина", "справедливость", и т.п., и стал их определять, - то при этом не всегда учитывают особый характер этих определений. А именно, он вовсе не говорил о том, "что" есть истина или добро, - поскольку подобного рода человеческим состояниям в принципе нельзя дать содержательного определения из-за неустранимой отнесённости их к личному духовному опыту понимающего эти понятия человека. Сократ говорит, что мораль, например, не может иметь содержательного, т.е. эмпирического или рассудочного основания, - поскольку в таком случае она была бы относительна, релятивна, - а тогда не было бы и самой морали как способности человека быть независимым от обстоятельств (вдумайтесь - можно ли назвать нравственным поступок человека, который имеет случайный характер?). "Вот тут и появляется идея формы как чего-то такого, что реально существует, хотя невидимо нашими органами чувств и что отлично от материала наших состояний, не совпадает с ними, но представляет собой какой-то невидимый порядок, являясь одновременно предметом понятийных определений" [22, с.217].

В этом как раз заключается знаменитая идея сократической "майевтики". Буквально это слово означает "помощь при родах". Сократ сам был сыном повивальной бабки. И своё искусство он по аналогии тоже назвал майевтикой. Сократ считал, что он не может сообщить кому-либо какое-то знание, лишь сам человек может породить его как бы изнутри самого себя. Подобного же рода идею высказал в XX в. писатель М.Пруст, утверждая, что "истину нельзя прислать по почте". Получается, по Сократу, что знание в принципе непередаваемо. Но ведь мы говорим, что получаем многие знания от других - от учителей и из книг, например. В чём же дело? Что хочет сказать Сократ, высказывая такое парадоксальное утверждение? Сократ просто хочет сказать, что любая мысль и истина, до тех пор, пока они не будут нами поняты и прожиты, не смогут стать достоянием нашего сознания. Мы, конечно, можем "принять к сведению", например, заповеди Христа, - но станем ли мы поступать согласно им? С точки зрения же Сократа, "знающий не совершит греха", - т.е., если человек, зная эти заповеди, всё же совершит зло, то это будет означать, что он вовсе эти заповеди "не знает". Ведь он воспринял это знание поверхностно, а значит, искажённо, - а значит, его вовсе и нельзя в строгом смысле назвать знанием. То есть, Сократ выдвигает более строгое понятие знания: знанием является лишь то, что глубоко понято нами и стало нашим убеждением. Но последнее может произойти только при наличии личного опыта по исполнению того, что говорится в данном знании.

Философское мышление в этом смысле имеет гораздо более "обязывающий" характер, оно требует от человека больших усилий, чем занятия наукой. Если не

"проживать" философский текст, а прикладывать лишь голый рассудок, его истинный смысл никогда не будет понят нами. Изначальная цель философского текста - побудить человека к самостоятельным размышлениям и дать ему средства для совершения личного усилия мысли. Но мысль, как это показал И. Кант, может родиться только в результате самостоятельных усилий. Когда мы говорим о философии, дело идёт именно о жизни, а не об истинах, которые можно было бы взять у философа - запомнить или записать, - чтобы пользоваться ими в жизни. "Можно украсть философское сочинение, но нельзя украсть *способность философствовать*, вести философскую беседу, внутри которой только и оживают, исполняются живой мыслью, осуществляются на деле все философские "учения" <...> Написанное - только памятка для себя и других, только партитура, которая должна ещё быть исполненной живой мыслью. Этим философия (как и искусство в узком смысле этого слова) радикально отличается от ремесленных рецептов, технических правил и канонов, доказываемого знания, правовых систем"[5, с.52]. "Это не может быть выражено в словах так же, как выражаются в словах другие науки, - только если кто постоянно занимается этим делом и слил с ним свою жизнь, у него внезапно, как свет, засиявший от искры огня, оно возникает в душе и потом уже само себя питает... Лишь с огромным трудом..., к тому же, если это совершается в форме доброжелательного исследования, с помощью беззлобных вопросов и ответов, может просиять разум и родиться понимание каждого предмета в той степени, в какой это вообще доступно для человека" (344 в).

Отнесение истины к человеку у Сократа, таким образом, вовсе не делает саму истину неустранимо субъективной. Наоборот, Сократ говорит о том, что человек должен приложить большой труд души, чтобы избавиться от своих субъективных пристрастий, - и только тогда перед ним может воочию воссиять во всей своей красе сама Истина. Субъективность же человека проявляется лишь в том, что у каждого - свой собственный путь к этой истине, - и никто другой не сможет пройти этот путь вместо самого человека.

Платон

(427 - 347 гг. до н.э.)

Платон был учеником Сократа. Казнь учителя очень сильно подействовала на Платона и побудила посвятить свою жизнь философии. Свои произведения Платон писал в форме воображаемых диалогов Сократа с его современниками. Именно Сократ - главный герой его диалогов. Иногда эти диалоги действительно имели место, а некоторые просто выдуманы. В этом случае Платон вкладывает в уста Сократа свои собственные мысли.

Платон является творцом понятия "идея" (ιδέα - буквально переводится как "вид", "то, что видно"). Идея вещи не есть понятие этой вещи. Так, например, идея кувшина не сводима к понятию "кувшин". Любое общее понятие формальной логики представляет собой результат абстракции от индивидуальных особенностей каждой вещи. (То есть, отвлекаются только те свойства, которые общи для ряда

предметов, что и позволяет выделить этот ряд в отдельную группу). Возьмём понятие "кувшин". Общее у группы предметов, называемых кувшинами, то, что это сосуды для хранения и разливания жидкости. Они имеют для выполнения этой цели соответствующую форму и изготовлены из соответствующего материала (про бумажный кувшин, мы, к примеру, скажем, что он не выполняет идею кувшина. Но благодаря чему мы усматриваем общее у предметов? Откуда берутся критерии выделения именно этого общего, а не иного? Видимо, есть то, что обеспечивает распознавание и понимание вещи как таковой. Эту функцию обеспечения понимания и играет идея. Идея кувшина - это условие появления кувшина как вещи и условие понимания того, что эта вещь - кувшин, т.е., идея - условие самого понятия "кувшин".

Платон вовсе не говорил о том, что идея создаёт материю, как иногда неправильно толкуют высказывание Платона, что идея есть условие бытия вещи. Нет, материя, по Платону, которую он называл Восприёмницей и Кормилицей всего существующего, существует "от века". Идеи не создают материи, благодаря идеям происходит оформление материи. А наличие определённой формы позволяет видеть ту или иную вещь. Сама же по себе вещь, т.е., вещь со своей материальной стороны - только тень идеи.

Идеи, или эйдосы, не являясь общими понятиями, не подчиняются закону обратного отношения между объёмом и содержанием понятия. Обычное понятие формальной логики чем более общее, тем беднее по своему содержанию. Эйдос же есть "единое во многом", своеобразный мини-космос как множество элементов, организованных в нечто устойчивое, составляющих какую-то целостность. Если понятие в логике всегда привязано к определённому классу предметов, то эйдос может быть и для единичной вещи. Если же вещь копируется, то эйдос при этом не размножается. Число идей, по Платону, конечно, и это опять указание на завершенность бытия. Эйдос включает в себя всё множество единичных предметов, эйдосом которых он является.

Понятие выражает логически структуру реальных отношений между предметами. Однако логическая связь выступает здесь лишь средством выразить естественно-природную связь, наличие которой обеспечивает идея. Поэтому чем эйдос более общий, тем богаче он по содержанию - так как он включает в себя всю специфическую индивидуальность каждого предмета из своего объёма. Проводя аналогию, можно сказать, что идея - это свет как сиятельное единство различных цветовых оттенков, а не как то общее, что есть у зелёного, красного, синего и т.д. тонов, т.е. что все они есть различные виды цвета. Именно включённость различных цветов в идею цвета и создаёт наличие общего между ними. Следовательно, общее есть благодаря идее, а не идея есть благодаря общему. Идея - условие возможности существования и постижения общего. А.Фуйе чётко разделяет платоновскую идею и общее понятие формальной логики, по следующими пунктам: 1) идея отделена от субъективного разума и вещей, она - ноумен; понятие же имеет только абстрактное существование в рассудке и в частных вещах; 2) логическое понятие -

дискурсивно, идея - умно-интуитивна; 3) общее понятие выработано рефлексией, идея вневременна и непосредственно положена умом".

Ещё раз подчеркнём, что идея - это тот горизонт возможного знания и понимания, только внутри которого нам оказывается доступным смысл. Например, по записям опытов Э.Ферми было обнаружено, что Ферми фактически наблюдал атомный распад. Но он не увидел этого, потому что это выходило за рамки имеющихся у него взглядов об устройстве атома. Его идея атома не допускала подобной возможности.

Идея есть вместе с тем производящая структура вещи. Так, идея оказывается связанной с человеческим познанием и вместе с тем укоренённой в области, находящейся за пределами человеческого разума (ведь существуют идеи дерева, цветка, неба и т.д.). По Платону, постижение мира имеет основания в самом мире. Космос так устроен, что он открывает перед нами свою собственную сущность. Каждой вещи реально присуща организованная структура, без которой невозможно её рациональное понимание. И эта особая, специфическая структурная гармония вещи есть необходимое условие возможности нашего мышления постичь сущность этой вещи. В момент понимания мы уже имеем дело с бытием вещи и одновременно сами бытийствуем в акте мышления-понимания. Между "что" и "как" в этом случае нет интервала. Мы находимся в мысли, которая тождественна бытию, т.е., в идее. Оба выражения: "бытие открывается нам" и "мысль открывает бытие" будут одинаково правильны. Или такой пример: что есть истина? Упорядоченность, которую следует увидеть (черта сущего) или состояние упорядоченности, благодаря которому мы способны видеть то, что не видно в других состояниях (характеристика человеческого отношения к сущему)? Истина есть и то, и другое, поскольку в момент созерцания истины между состоянием понимания и тем, что понимается, нет различия. Не случайно истина по-гречески звучит как "алетейя", что буквально означает "несокрытость". Немецкий философ начала XX в. М.Хайдеггер, интерпретируя Платона, отмечает: "нечто есть непотаённое только благодаря соотносённости с идеей". Отсюда можно сделать вывод, что идея у Платона есть такой вид, который включает в себя и видение, и видимое.

Обратимся теперь непосредственно к самому Платону. Осмыслению понятия "идея" посвящены практически все платоновские диалоги. В каждом из диалогов Платон раскрывает какой-то аспект понятия "идеи". А.Ф.Лосев распределил диалоги раннего периода творчества по группам, взяв в качестве критерия этапы развития понятия "идея" у Платона. На первом этапе идея есть предельная общность как глобальный факт высокой ценности (диалоги "Феаг", "Алкивиад II" и "Менексен"). На втором этапе осмысления идея есть предельная общность как принцип конструирования относящихся к ней частных (диалоги "Евтидем", "Гиппий меньший", "Алкивиад I"). Наконец, на третьем этапе идея есть предельная общность как принцип структуры относящихся к ней частных (диалоги "Лакет", "Евтифрон", "Лисид" и "Хармид"). Как отмечает Лосев, в платоновских диалогах "важно не только то, что данная единичная вещь осмыслена через своё отношение к той или другой общей идее. Важно и то, что идеи осмысливают плохо расчленённую

текучесть вещей, и что кроме этого они создают в вещах также и осмысленную структуру. Предельная общность структурна, и все единичные вещи через это тоже структурны" [28, с.766].

Наиболее концентрированное и целостное осмысление понятия "идея" предпринимается Платоном в мифе о пещере, с которого начинается VII книга работы "Государство". Рассказчиком выступает Сократ. Краткое содержание мифа таково. Люди находятся под землёй в пещерообразном помещении. Узкий выход ведёт наверх, к свету дня. В пещере люди находятся с самого детства. Они прикованы за бёдра и шеи, следовательно, неподвижны и смотрят только на стену впереди себя. В пещере горит огонь, но огонь сзади людей, сверху и издали. Между огнём и прикованными - невысокая стенка-перегородка. Вдоль этой стенки и над ней проносятся разнообразные вещи. Люди же в пещере видят только тени. Причём тени принимаются ими за истину, поскольку ничего другого они не видели.

Но вот одного из людей расковали и принудили встать, повернуть шею, взглянуть на огонь, и двинуться дальше. От резкой перемены обстановки человек, естественно, ощутит боль в глазах и захочет вернуться назад и смотреть на то, что ему по силам. Однако, постепенно привыкнув, человек поймёт, что теперь он видит более истинное, чем до этого. Далее, его тащат наверх, на солнечный свет. Солнце ослепляет глаза, и человек опять не сразу способен видеть. Требуется привычка, чтобы смотреть на то, что наверху. Впоследствии, привыкнув, человек сможет взглянуть на само солнце и разглядеть, как оно устроено. Увидев, что свет солнца - причина видения всего и в том числе того, что видят узники в пещере, захочет ли он теперь вернуться к прежнему образу жизни? Допустим, человек всё же спустается в пещеру с целью рассказать об увиденном наверху и указать на источник теней. Как же отнесутся к нему его прежние сожители? Ему дадут понять, что он для того и поднимался наверх, чтобы вернуться с испорченными глазами (поскольку опять требуется привычка к темноте), и, следовательно, путешествие наверх ничего не даёт. Когда же он попытается избавиться их от цепей, они могут даже убить его.

Миф о пещере глубоко символичен. Что же символизируют образы этого мифа? Толкование даёт сам Платон. Пещера - это символ нашего мира; огонь - символ солнца; люди, смотрящие на тени, символизируют людей, которые руководствуются в жизни одним зрением; тени - символ сущего, которое нас окружает; вещи вне пещеры - символы идей; солнце - символ идеи идей (или идеи Блага); переходы из состояния прикованности к огню и наверх к солнцу - символы преобразования, изменения человека (по-гречески, "пайдейя"). Изменение состоит в исправлении взгляда. Почему привыкание при переходах осуществляется так медленно? Потому что перемена происходит в основе существа человека. Можно выделить два характерных признака пайдейи: 1) глубина обращённости к непотаённейшему; 2) постоянство обращённости. Подлинная пайдейя смыкается, таким образом, с истиной. В пещере человек даже не осознаёт своё пленение, не понимает, что пред ним - лишь тени, слабые отблески идей. В свою очередь, возвращение же в пещеру свидетельствует о постоянстве обращённости человека к идеям. Ему грозит гибель там, тем не менее его убеждения сохраняются. Существо "пай-

дейи", по Хайдеггеру, состоит в том, чтобы "сделать людей свободными и твёрдыми для ясной устойчивости видения сущности" [31,с.356].

Как же определяет Платон понятие "идея"? Для Платона область идей - это "область умопостигаемого". Идея же идей (ἰδέα τῶν ἀγαθῶν) - "сама госпожа, ибо обеспечивает непотаённость (кажущему себя) и вместе с тем восприятие (непотаённому)" [31,с.357]. "Идея идей" означает видение сути и сущности самих идей как таковых. "То, что делает каждую идею годной быть идеей - состоит в том, чтобы делать возможным явление всего присутствующего в во всей его зримости. Идея идей есть поэтому просто само делающее годным, то ἀγαθόν" [31,с.356]. Однако этот термин практически повсеместно переводят словом "добро". Отсюда идея идей получила название "идея добра (блага)". "В области познаваемого идея добра есть исполняющая всякое явление и потому тоже лишь в последнюю очередь произретаемая зримость, а именно, так, что она едва (лишь с большим трудом) сама в себе зрима" [31,с.355]. В то же время идея как вид сущего (т.е. то, через что сущее только и показывает себя доподлинно) - "самое явленнейшее (сиятельнейшее) из сущего" [31,с.354].

"Каждая идея, вид чего-либо, даёт видеть то, что есть каждое сущее. Идеи, таким образом, в мышлении греков, делают годным к тому, чтобы нечто могло явиться в том, что оно есть, и таким образом присутствовать в своём устойчивом составе [31,с.355]. Суть идей - именно в их годности для обеспечения вида, т.е., для превращения потаённого в непотаённое.

То, что Платон называл "идеей", Кант в 18 в. назовёт "формой", а Мамардашвили в 20 в. - "структурой сознания". Форма для Канта -это гармоничное удержание на пределе возможного способностей человека. В этом определении важно увидеть два момента - с одной стороны, момент гармонии, организации, согласованности, структуры; с другой стороны, момент предельности, кульминации, максимума. Нахождение человеческой психики в области структуры сознания (как определённой устойчивой пространственной конфигурации) означает способность понимания того, что задано данной структурой. По мнению Мамардашвили, платоновская теория идей была одной из первых теорий сознания. "У Платона идеи есть символы сознания, а не знаки... Платон понятием "идея" символизировал сознание, и прежде всего - отличие духовных (сознательных) структур, в принципе, по Платону, трансцендентальных, от структур вещественных. Он понимал одну очень важную вещь: с того момента, как мы "находимся" в сознании, мы имеем усиление нашего обычного психического аппарата отражения трансцендентальными условиями сознания. В этом отвлечении Платон формирует одновременно и психическую идею перехода в другой режим бытия (т.е., сознания)" [23,с.94-95]. Таким образом, идея - это философское понятие, символизирующее более высокий по сравнению с обычным режим человеческой жизни, - режим сознания, которое "всегда как минимум на один порядок выше, чем порядок элементов содержания, составляющего опыт сознания" [23,с.95].

Идеи не возникают и не уничтожаются. Они есть. Человеку нужно только соприкоснуться с этой упорядоченностью. Вот как рассуждает Платон о небе: глаза

нам даны для того, " чтобы мы, наблюдая круговращение ума в небе, извлекли пользу для круговращения нашего мышления, которое сродни тем, небесным [круговоротам], хотя, в отличие от их невозмутимости оно подвержено возмущению; а поэтому, уразумев и усвоив природную правильность рассуждений, мы должны, подражая безупречным круговращениям бога, упорядочить непостоянные круговращения внутри нас" [22,с.242]. Небо для Платона - не только материальный предмет, но и "понимательная материя, т.е. такая, которая своей материей показывает свою собственную сущность. А суть одновременно - абстракция, закон. И более того, этот закон ещё и является условием того, что в тех, кто соотносён с ним (например, в людях, наблюдающих небо), - в них может рождаться упорядоченность мысли о конкретных небесных явлениях (и не только о небесных явлениях), в том числе, и упорядоченность души"[22,с.44].

Итак, идея - это понятие-символ структуры сознания. Структура сознания имеет, по определению, содержательный, и как следствие, вещественный аспект. Поэтому любой символ есть такое окно во внутренний мир человека, через которое усматривается общий корень человека и всего сущего. Через созданные философом понятия (в данном случае - понятие идеи) мы начинаем понимать то, что какая-то вещь (будучи выполнением идеи) говорит нам о нас самих, о нашей собственной сущности. Любая истина о мире - это в то же самое время есть и истина о самом человеке. Природа - это книга знаков нашей собственной души. Через идею вещи мы видим не только общие характеристики данного класса вещей, но и что-то зреваем в самих себе. И обратно - сущность нас самих есть в то же время и сущность мира.

Погружаясь в глубины себя, мы выходим к тому, что является общим основанием как бытия человека, так и бытия мира. А сущность человека есть открывается лишь в момент совершения человеком свободных поступков. Человек есть то, чем он себя сделал, в отличие от животного, определяемого инстинктами. Сущность человека - это не субстанция. Бытие человека есть акт, а не факт. При этом не только человека как человека нет до совершения свободного действия, но и мира как вполне определённого и завершённого, с его законами и принципами устройства, тоже нет. Представление об устройстве мира не определяется, таким образом, непосредственно самим этим устройством, а есть следствие выработанных человеком принципов отношения к миру. Именно поэтому возможно не только научное, но и мифологическое или религиозное представление о мире. Создаваемые человеком представления, таким образом, задают как границы нашей свободы, так и наши возможности. Например, сама наука есть следствие созданного человеком представления о мире как природе.

Анализируя Платоновскую работу "Государство", следует сразу указать, что идеальное государство у Платона - это не наилучшее государственное устройство, это идея государства, т.е. то, что делает государство государством. Идея государства не характеризует какое-то возможное или реальное государство, это средство, аппарат для понимания устройства любого конкретного государства. Идея государства не есть идеал государства, не есть то, к чему мы должны стремиться, строя государство. Идея государства - это такое понятие-символ, посредством ко-

того мы можем понимать политические явления, т.е. видеть их в качестве феноменов.

Идея государства - это государство, представленное в виде космоса. В то же время государство - увеличенная копия строения человеческой души, как организованного, упорядоченного целого. И через бытие государства, как своего рода микроскоп, можно понять и бытие человека. То есть, через то, как должны соотноситься в государстве различные его составляющие, можно понять и то, как должны соотноситься в человеке различные части его души.

Основной принцип государства, по Платону, - это принцип справедливости. Справедливость относится к государству в целом, а не к какой-то одной его части. А что нужно для того, чтобы составить государство? Государство появляется тогда, когда человек, стремясь к общему благу, нуждается в помощи других. Поэтому должны существовать три класса:

- 1) крестьяне, ремесленники и купцы - те, кто обеспечивает материальные блага,
- 2) стражи - защищающие государство от врагов,
- 3) правители - люди, организующие совместное существование.

Справедливость в государстве достигается тогда, когда каждый класс, обеспечивая благо целого, занимается своим делом, не вмешиваясь в дела другого класса. Фактически это идея разделения властей. Соответственно трём сословиям государства в человеке имеется три способности души: воделеющая, страстная и рациональная. Когда все эти способности находятся в гармонии, тогда перед нами - идеальный человек. Справедливость в государстве соответствует, таким образом, гармонии в человеческой душе. Именно поэтому наилучшим видом государственного устройства, по Платону, является монархия, для которой возможно достижение высшей степени единства.

Аристотель (384- 322 гг. до н.э.)

Аристотель стал учеником Платона в 17 лет, и продолжал им оставаться в течение 20 лет. За это время он достаточно глубоко изучил учение Платона об идеях, в отличие от других. У него оказалось достаточно ума, чтобы понять "идею" Платона, и принять её. Неверно противопоставлять Аристотеля и Платона относительно понимания идеи, или "эйдоса", поскольку Аристотель лишь развил и продолжил учение своего учителя.

У Платона идея существует как "внутри" вещи, так и вне её: "Диалектик Платон признаёт существование идей вещей как вне самих вещей (поскольку эти идеи невещественны; и находить в них какие-нибудь вещественные или пространственные свойства для Платона так же бессмысленно, как и в нашей самой обыкновенной таблице умножения), подобным же образом и в самих вещах (поскольку идея вещи осмысливает эту вещь и является причиной всего того, что делается с этой вещью)" [14, с.89]. С точки зрения Аристотеля подобное - невозможно, ибо есть нарушения закона противоречия. Сущность вещи, или, по-другому, её идея невещественна и нематериальна. Но если идея (или, точнее, "эйдос") идеальна, то она - вне вещи. Но, если она существует изолированно, то возникает множество вопро-

сов. И Аристотель приводит множество аргументов против того, что в этом случае идеи обладают реальным бытием. Однако в основном эта аргументация повторяет аргументацию самого Платона против изолированного существования эйдосов в диалоге "Парменид". В этом достаточно позднем по времени своего создания диалоге Платон критикует философов Мегарской школы, которые проповедовали такую изоляцию, слишком буквально поняв утверждение Платона о превознесении ума над чувственностью. "Платон здесь ни причём потому, что он сам критикует теорию изолированных идей и решительно во всех своих диалогах рассматривает идеи либо как принцип упорядоченного космоса вместе с реально действующими в нём силами и движениями, либо в крайнем случае как порождающую модель космоса"[14,с.89].

Правда, следует отметить, что расхождения у них относительно эйдосов всё же были, - хотя и совсем иного плана, поскольку в целом Аристотель принимает платоновскую теорию идей. А именно, Платон считал, что познаваемое мы припоминаем, ибо эйдосы воспринимаются нашей душой как ею не созданные. При этом источником познания выступает также и обучение, и чувственное восприятие. Аристотель видит в этом проблему, которую он формулирует следующим образом: "возникает ли познавательное содержание, не будучи в душе, или же, будучи в душе, остаётся скрытым для нас?" [26,с.15].

"Первое положение он считает *невозможным*, так как ни *познание*, ни *обучение* невозможны, если у человека нет никакого *предзнания*. Второе положение, соответствующее платоновской точке зрения, Аристотель считает *неуместным*, ибо получилось бы, что человек, обладая познаниями более точными, чем доказательство, не знал бы об этом. Если же познавательное содержание, не будучи в душе, не возникает, а в нашей душе никакого скрытого содержания нет, с необходимостью должна быть в душе некая познавательная способность, уступающая, конечно, по точности эпистеме. Аристотель утверждает, что в качестве таковой выступает врождённая способность к критике, т.е. врождённая способность к чувственным различениям, и это не что иное, как чувственное восприятие".

Момент нормирования и моделирования рассуждения является новым кардинальным шагом в античной философии. Ещё пифагорейцы и Платон, подчинив мироздание математическим выражениям, подготовили для этого почву. Аристотель превратил нормирование и моделирование рассуждения в регулярный приём.

Во-первых, вслед за Платоном Аристотель запрещает получение парадоксов, свидетельствующих, по его мнению, об ошибочности рассуждения. Во-вторых, о правильности рассуждения свидетельствует его результат. В-третьих, рассуждение должно следовать определённым правилам. Правила мышления определяются исходя из категорий мысли. Например, суждение - это модель высказывания типа "А есть В". Высказывание, не являющееся суждением, сразу выносится за рамки истинных. Силлогизм - это, по сути, модель элементарного рассуждения, то доказательство - модель верного, истинного рассуждения.

На аристотелевские категории можно посмотреть также и как на необходимое условие применения правил. Аристотель приписал действительности такое строение, что, с одной стороны, она соответствовала правилам, а с другой - фиксировала основные операции с объектами, по поводу которых разворачивалась

мысль. Строение действительности задаётся с помощью категорий (начало, сущность, род, вид, качество, состояние). Категории не просто организуют опыт, они выступают в роли "кирпичиков" мироздания. Человек получил возможность создавать знания о действительности, не обращаясь непосредственно к ней самой.

Аристотель различает два вида "сущностей" - первичные и вторичные: "Всякая сущность, по-видимому, означает некоторую вещь, По отношению к первичным сущностям бесспорно и истинно, что здесь имеется в виду такая вещь. То, что этим путём указывается, есть неделимое и единое по числу" (Категории 3b 10). Вторичная сущность представляет из себя обозначение реальных предметов. Первичные и вторичные сущности, однако, не существуют одна без другой. В предложении или суждении это фиксируется как связь подлежащего (субъекта) и дополнения (объекта), а в бытии самой вещи - как тождество материальной (первичная сущность) и формальной (вторичная сущность) причин.

Материальная причина представляет первичную сущность в спектре возможных для данной сущности состояний. Материальная причина в таком случае выступает как "чистая возможность". Формальная причина есть одно из возможных состояний первичной сущности, которое оказалось актуализованным, перешло из возможности в действительность. Таким образом, в понятии формальной причины мы имеем выражение деятельности по выбору из многих возможностей "единственно верной" и исключения других возможностей.

Поэтому Аристотель для объяснения формальной причины вводит ещё два типа причин - целевую и действующую: "а)целевую, с помощью которой снимается выбор и устанавливается то возможное состояние, которое подлежит реализации, и поскольку первичная сущность единична и в процессе изменений сохраняет тождество по числу, целевая причина в акте снятия выбора останавливается на *одном* из возможных состояний, снимает многозначность в пользу однозначности; б)сопряжённую с целевой *действующую*, с помощью которой сущность преемственно переводится в избранное возможное состояние, получает именно эту, а не другую формальную определённую" [27,с.209].

В системе "четырёх причин" мы видим, таким образом, основные элементы целесообразной практической деятельности, ориентированной на самостоятельные решения свободного человека. Деятельность успешна тогда, когда она "вписывается" в устройство бытия, определяемое нашим разумом. Разум же ориентирован на грамматическую структуру флективного греческого языка. Отсюда у Аристотеля и появляется знаменитое выражение: "Сколькими способами сказывается, столькими способами и означает себя бытие" (Метафизика, 1017b). То есть, Аристотель указывает тем самым, что все пути европейской мысли изначально зависят от используемых речевых структур. В XX веке осознание данного обстоятельства проявилось в критике так называемого "логоцентризма" (Ж.Деррида) европейской философии.

У Платона соотношение идей и вещей не прояснено в достаточной степени. Платон говорит о трёх типах отношения между ними: 1)вещи "подражают" идеям, 2) вещи возникают через их "причастность" соответствующей идее, 3)идеи "присутствуют" в вещах. "Критика" Аристотеля направляется на то, чтобы прояснить и развить исходные интуиции Платона относительно "эйдосов", или идей:

1) "Подражание" у Платона - выражение вещью её тождества с идеей. Аристотель же говорит о выражении вещью её внутренне-оживляющего принципа, становящегося в этом выражении уже некоей идеей, т.е. о *форме*. 2) У Платона существование вещи определяется через "причастность" идее. Аристотель же говорит о той *цели*, которая заставляет вещь становиться именно такой, а не иной. 3) У Платона идея - прообраз вещи, её "парадейгма", порождающая структура. Аристотель вводит "*действующую* причину" в качестве уточнения, конкретизации процесса осуществления вещью принципа её бытия как эйдоса.

Основные философские идеи античности в их развитии и взаимосвязи

Основная идея античной философии - это идея Космоса. "Космос" выражает идею целостной, гармоничной структуры, которая пронизывает собою весь мир. Поскольку же Космос един, достижение человеком духовного состояния оказывалось необходимым условием возможности человека правильно видеть и понимать мир. В этом смысле в античности духовное и телесное не противопоставлялись друг другу и не считались чем-то совершенно разнородным. Душа - определённый аспект или качество всех или только некоторых материальных тел. Например, душа - это тело, но просто особым образом организованное (Демокрит). Или: душа и тело - составлены из одних и тех же элементов-чисел, но по-разному соединённых (пифагорейцы). Фалес указывал: "всё полно богов". Аристотель так прямо и говорил - "душа - не тело, но душа не может существовать вне тела". Аналогичную идею высказывает и А.Эйнштейн: "Тело и душа не являются двумя разнородными вещами, а скорее двумя различными способами восприятия одной и той же вещи". Таким образом, утверждается, что душа и тело не разделены непроходимой пропастью, что есть способ рассмотреть их во взаимосвязи, - хотя обычные концептуальные средства и не годятся для этого. Фактически, речь идёт о соединении в единой теоретической схеме физических и сознательных явлений, - что до сих пор является нерешённой проблемой.

Древнегреческая философия имела два основных начала - неопределённое, хаотическое, что позднее получило название "материи", - и структурное, упорядоченное, что, получило название "идеи".

Материальный аспект мира рассматривается и в виде отдельных элементов (милетцы), и учение о становлении цельных вещей (Гераклит), и учение об органически жизненном становлении (Эмпедокл), и учение о понятийном становлении материи (Диоген Аполлонийский). Основное свойство материи выражается здесь в идее континуума (проблемы которого рассмотрели элейцы). Но внешнее, материальное бытие предполагает также и внутренне, как способ придания материальному началу определённой формы. Числовая структура - и есть выражение идеи этого внутреннего. Учение о конечных числовых структурах было разработано у Пифагора и пифагорейцев. Учение о бесконечных числовых структурах дал Анаксагор.

Синтез континуальной и числовой сторон Космоса мы находим у "греческих атомистов, которые пользуются как самими структурами вещей, так и их вечным движением, чтобы из обеих этих сторон бытия конструировать пластический космос" [8, с.283]. Сократ, Платон и Аристотель исходят уже из единства материаль-

ного и идеального аспектов мира, рассматривая различные формы и виды этого единства.

В античности всё понималось чрез призму одушевлённости. "Живое, или организм, возможно только там, где целость присутствует в части настолько глубоко и принципиально, что удаление такой части равносильно разрушению всего целого" [15,с.536]. Таким образом, всякая живая, или органическая, целость состоит из бесконечного множества структурно соотносящихся элементов, из которых все или некоторые содержат в себе субстанцию этой целости в окончательном виде, будет ли то целость в смысле счётного множества или в смысле континуума". "Во всякой бесконечности есть хотя бы одна такая часть, которая субстанционально тождественна с целым"[15,с.536].

Любое тело обладает "своей собственной специфической структурой и движением, в то время как самый принцип этой структуры и этого движения не находится в каком-нибудь другом месте и не зависит ни от какой другой вещи, но находится в ней же самой, совершенно от неё неотделим и в самом глубоком существе своём вполне с ней тождествен" [15,с.53].

Космос в античности всегда конечен - как в пространстве, так и во времени. Космос понимался одушевлённо и телесно. Поэтому, "будучи телом, такой космос в пространственном отношении обязательно конечен, как и всякое тело. Даже Аристотель отрицает бесконечность космоса на том основании, что человек вообще не мог бы воспринимать никакого бесконечного тела, поскольку всякое реально воспринимаемое человеком тело всегда конечно, т.е. является самой обыкновенной, хотя бы и самой огромной, трёхмерной величиной" [17, с.304]. Космос понимался как нечто зрительно и чувственно осязаемое, т.е. просто-напросто как звёздное небо над нашей головой, - которое являет нам пример постоянства, порядка и устойчивости существования.

Сложнее вопрос о конечности или бесконечности космоса во времени. "В смысле времени своего существования античный космос тоже конечен. Правда, космос может разрушаться и вновь создаваться. Однако создание нового космоса есть не что иное, трактовалось в те времена, как воспроизведение прежнего космоса. Поэтому вечное существование космоса ровно ничего нового ему не даёт, а значение времени оказывается равным просто нулю. Таким образом, античный космос, собственно говоря, существует просто вне времени" [17, с.304]. Сама идея вечности, строго говоря, лишь способ передать переход к новому качеству, т.е., к тому, что имеет вневременной характер, а именно, к чему-то нематериальному.

А.Ф.Лосев выделяет всего 6 типов греческой натурфилософии: "Так как главная проблема этой натурфилософии - *отношение Единого и Многого*, то по ней и произведём классификацию типов. Во-первых, можно признавать только Единое и отказывать Многоству в подлинной реальности; это - *элеаты*. Во-вторых, можно делать ударение на понятии Многоства и отмысливать Единое; это - *атомизм*. В-третьих, Многоство может раскрываться из Единого посредством отторжения и разрознения (Вражды) и возвращения в Единое посредством привлечения и соединения (Любви); это *Эмпедокл*. В-четвёртых, утверждается и Единое, и Многое, но они не происходят одно из другого и не переходят одно в другое; Многое только видоизменяется целесообразным действием Единого; это - *Анаксагор*. В-пятых,

Единое и Многое беспрестанно переходят одно в другое, так что существует только живой процесс появления; это - *Гераклит*. И наконец, в-шестых, есть Единое и Многое, но Единое видоизменяется во Многое посредством присущего ему движения: это и есть *Диоген Аполлонийский*..." [18, с.133].

Но, строго говоря, речь идёт лишь об акцентировании какой-то из сторон отношений между Единым и многим, а не о разрыве между ними. Как подчёркивает А.А.Ахутин, "если целое рассматривается как "фюсис", оно мыслится как *индивид*, как некое *существо*, обладающее определённой "природой". Тогда отдельные "природы" приобретают смысл частей этого единого космического индивида и понятие их соответствует их функции в целом. Но если продумать это различие глубже, то мы придём к идее своеобразной дополнительной мира единой "фюсис" и мира многих (атомарных) "фюсис" [6, с.122]. Соединение мира природы, подчинённого принципу необходимости, и мира культуры, являющегося результатом свободных сознательных поступков людей, в неразделимое целое. "Законы природы есть лишь вид законов свободы" - говорит И.Кант.

В античности существует как бы "бесконечно малое" различие между материей и идеей. Первые философы в качестве первоначала использовали различные "стихии" (вода, огонь, и т.д.). Но "стойхейон", "стихия" в античности означает "шаг", "сдвиг": "Таким образом, первоначальный сдвиг и даже просто первое появление, а вместе с тем и закономерное соответствие всему окружающему - вот то, о чём говорит этимология этого греческого слова. Однокоренное русское слово "стихия", как видим, имеет совсем противоположное значение и указывает, скорее, на беспорядок, на отсутствие начала и конца и не соответствие с окружающей средой. Греческая же этимология этого слова говорит как раз о единстве стихийного происхождения, определённого метода развития и чёткого соответствия со всем окружающим вплоть до постановки в один строгий ряд... "Стойхейон" обозначает первоначальную определённость бытия, противоположную всякой хаотической стихийности, и, наоборот, обозначает нечто раздельное и чёткое" [11, с.174].

У Демокрита "атом" как раз и характеризует идею этого "бесконечно малого сдвига". Зенон сталкивается с проблемой актуально бесконечно малой величины, качественного скачка между целым и частью. Стойхейон у Платона есть цельная структура, в которой отдельные элементы получают свой истинный смысл и значение.

Например, по Платону идея - это та же вещь со всеми её характеристиками, кроме одной - аспекта существования в материальном мире: "Платоновская идея есть по своему содержанию не что иное, как самая обыкновенная вещь. но только взятая в своём бесконечном пределе" [8, с.54]. Поэтому даже в пределе бесконечного устремления идеи к вещи идея никогда не совпадёт с вещью. Здесь выражается мысль о принципиальной дополнительной внешнего мира с его универсальными законами и внутреннего, индивидуального живого состояния человека. Никогда идея не заменит собой бытия. Все философские доказательства направлены на одну цель - побудить человека к самостоятельному размышлению, показать ему необходимость собственнического усилия мысли, - без которого никогда не сможет родиться то живое знание, которое и является истинной мудростью. Мудрость и есть то знание, которое даёт человеку действительное счастье. Философия потому

никогда не сможет совпасть с мудростью, что она лишь направляет человека к мудрости, - но достичь этого состояния человек может только сам.

Пусть и бесконечно мало различие, внешне неотличимо живое состояние мысли от механически зазубренного и повторенного слова философа, - но оно неустранимо и проводит принципиальный раскол между мыслью и псевдо-мыслью, между истинным чувством и его подделкой, между настоящим счастьем и его суррогатом, между настоящим человеком и тем, кто только претендует на это звание. Весь пафос устремлений античных философов направлен только к одному: показать, насколько трудно быть и оставаться человеком, - но, в то же время, что достичь этого истинно человеческого состояния вполне возможно, и указать на потрясающее великолепие тех далей и высот, которые открываются, если человек вдруг "перепадает" из мира обычной жизни в мир настоящей жизни, - ради которой только и рождается Человек.

Вопросы:

1. Существует ли связь между появлением философии и разложением традиционной культуры? Какая? Укажите характерные черты нового типа социальности, на основе которой выросла европейская культура.
2. Что общего между философией и мифом?
3. Сформулируйте отличия философии от мифа.

1. Имеется ли связь между космоцентризмом античной философии и идеей циклического времени?
2. В чём суть и специфика античного рационализма?
3. В чём состоит специфика античных представлений о красоте?

1. Объясните, каким образом "вода" у Фалеса выступает и в роли первоисточка мира и в качестве исходного начала познания?
2. В чём отличие "воды" Фалеса от Мирового океана в мифах?
3. Что символизирует и что обозначает "вода" у Фалеса?

1. В каком смысле апейрон у Анаксимандра бесконечен и неопределён?
2. Как вы понимаете "бесконечность, но завершённость апейрона"?
3. Как вы понимаете смысл изречения Анаксимандра? В чём состоит "несправедливость" вещей, на которую он указывает?

1. Раскройте смысл характеристик бытия по Пармениду:

а) единство и неделимость бытия, б) бытие есть, а небытия нет, г) бытие тождественно мышлению, д) неподвижно, е) вечно, ж) бесконечно, но завершено.

2. В чём заключается отличие двух определений бытия, совпадающих одно с другим дословно: одно - принадлежащее студенту и даваемое им на семинаре, и другое - принадлежащее Пармениду? Выразите это отличие концептуально, используя понятия: сознание, живое состояние, мышление, синтез, символ и т.п.

1. Что утверждает Зенон в своих парадоксах? Каков смысл его утверждений? Отрицал ли, в частности, Зенон движение?

2. В каком направлении Зенон развивает идеи Парменида?

3. Раскройте связь между идеями Зенона и дифференциальным представлением движения в механике.

4. Установите смысловую связь между идеей различения внутренних и внешних отношений объектов, парадоксами теории континуума и проблемой понимания существа человека.

1. Каким образом и в каких терминах осмысливается Гераклитом структурность всего сущего?

2. Что есть для Гераклита Логос? Как соотносятся "логос" и "материя"?

3. Противоречат ли друг другу следующие высказывания а) "бытие неподвижно" (Парменид) и б) "всё течёт, всё изменяется" (Гераклит).

4. Что символизирует у Гераклита возгорание и затухание огня в афоризме: *"Этот порядок, один и тот же для всех вещей, не сотворён никем из богов, и никем из людей, но всегда был, есть и будет вечным живым огнём, мерами возгорающим и мерами затухающим"*.

5. Раскройте смысл выражений Гераклита: "путь вверх и путь вниз - один и тот же", "День и ночь суть одно", "Бессмертные смертны, смертные бессмертны".

1. Соотнесите современное понимание "числа" и понимание числа Пифагором. В чём их различие?

2. Сформулируйте принцип "золотого сечения" Пифагора. Что символизирует этот принцип? Есть ли связь между принципом "золотого сечения" и теоремой Гольдбаха? Какая?

3. В каких областях современной математики и физики реализуется пифагорейская идея "геометризма" числа?

4. В чём состоит онтологическое значение математики? В чём причина "непостижимой эффективности математики в естественных науках" (Вигнер)?

1. Что есть "атом" по Демокриту? Что из двух верно, по Демокриту: 1) вещь состоит из атомов, и 2) бытие вещи состоит из атомов?

2. Что символизирует "пустота" у Демокрита?

3. Проследите взаимосвязь идей Парменида, Пифагора и Демокрита.

1. Почему Платон и Аристотель критикуют софистов?
  2. В чём значение софистов для развития античной философии?
1. Что такое "майевтика" Сократа?
  2. Раскройте смысл сократовских изречений: "Я знаю, что я ничего не знаю", "Знающий не совершит греха".
  3. Можно ли, по Сократу, дать содержательное определение таким понятиям как "мужество", "добро", "красота", "справедливость" и т.д.?
1. Как соотносятся между собой идея вещи и понятие вещи?
  2. Как М.Хайдеггер раскрывает смысл платоновского понятия "идея"?
  3. Раскройте символику мифа о пещере.
  4. В каких терминах Платон определяет "идею идей"?
  5. Почему Мамардашвили называет платоновскую теорию идей одной из первых теорий сознания?
  6. В чём заключается идея государства по Платону?
1. В чем заключаются разногласия между Аристотелем и Платоном в понимании "идеи" и в чем они сходятся?
  2. Как связаны и как соотносятся между собой причины бытия вещи, выделенные Аристотелем?
  3. Каким образом выделение Аристотелем категорий мышления способствовало передаче имеющихся знаний последующим поколениям и производству новых знаний?

Литература

1. Аверинцев С.С. Глубокие корни общности // Лики культуры: Альманах. Т.1. - М.: Юрист, 1995. - С.431-444.
2. Аристотель. Сочинения: В 4т. Т.1. – М.: Мысль, 1976.
3. Аристотель. Сочинения: В 4т. Т.2. – М.: Мысль, 1978.
4. Аристотель. Сочинения: В 4т. Т.3. – М.: Мысль, 1981.
5. Ахутин А.А. Дело философии //Ахутин А.А. Тяжба о бытии. - М.: Рус. феноменол. об-во, 1996.
6. Ахутин А.А. Понятие "природа" в античности и в Новое время: "фюсис" и "натура". - М.: Наука, 1988.
7. Бергсон А. Творческая эволюция. - М.:ТЕРРА, 2001.
8. Визгин В.П. Взаимосвязь онтологии и метафизики в атомизме Демокрита // Философия природы в античности и в средние века. - М.: ИФРАН, 1999. - С. 13-27.
9. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. - М.: Наука, 1990.
10. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. - М.:Танаис, 1995.

11. Донских О.А., Кочергин А.Н. Античная философия. Мифология в зеркале рефлексии. - М.: Изд-во МГУ, 1993.
12. Кант И. Критика практического разума. - СПб.: Наука, 1995.
13. Лаоцзы. Обрести себя в Дао. / Сост. И.И.Семененко. - М.: Республика, 1999.
14. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. - М.: АСТ, 2000.
15. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. - М.: АСТ, 2000.
16. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. - М.: АСТ, 2000.
17. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. - М.: Искусство, 1994.
18. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. - М.: Мысль, 1993.
19. Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука // Лосев А.Ф. Бытие-имя-космос. - М.: Мысль, 1993. - С.61-612.
20. Мамардашвили М.К. Кантианские вариации. - М.: Аграф, 1997.
21. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Лабиринт, 1994.
22. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. - М.: Аграф, 1999.
23. Мамардашвили М.К. Символ и сознание. - М.: Школа "Языки русской культуры", 1997.
24. Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. - М.: Московская школа политических исследований, 2000.
25. Ницше Ф. О философах // Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. - Мн.: ООО "Попурри", 1999.
26. Орлов Е.В. Кафолическое в теоретической философии Аристотеля. – Новосибирск: Наука. Сиб. изд-ая фирма Рос. Акад. наук, 1996.
27. Петров М.К. Язык, знак, культура. - М.: Наука, 1991.
28. Платон. Филеб, Государство, Тимей, Критий. // М.: Мысль, 1999.
29. Успенский В.А. Нестандартный анализ и его приложения. - М.: Наука, 1987.
30. Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. - М.: Наука, 1989.
31. Хайдеггер М. Учение Платона об истине // Хайдеггер М. Время и бытие. - М.: Республика, 1993.
32. Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991. - С.

Оглавление

Введение.....	3
Происхождение античной философии.....	4
Основные черты античной философии.....	9

Философы Милетской школы (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен).....	11
Фалес.....	11
Анаксимандр.....	16
Анаксимен.....	17
Философы Элейской школы (Парменид, Зенон).....	18
Парменид.....	18
Зенон.....	23
Гераклит.....	29
Пифагор.....	34
Демокрит.....	39
Софисты.....	44
Сократ.....	45
Платон.....	49
Аристотель.....	55
Основные философские идеи античности в их развитии и взаимосвязи.....	57
Вопросы.....	61
Литература.....	63